ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Приидите, воспоим, людие, Спасово тридневное востание, имже избавихомся адовых нерешимых уз, и нетление и жизнь вси восприяхом, зовуще: Распныйся, и Погребыйся, и Воскресый, спаси ны Воскресением Твоим, Едине Человеколюбче!

Стихира на *Господи, воззвах* вечерни вторника Светлой седмицы

Возлюбленные о Христе Воскресшем Преосвященные архипастыри, боголюбивые пресвитеры, диаконы, честные иноки и инокини, благочестивые православные миряне — верные чада церковные!

Со Светлым Христовым Воскресением — самым радостным для православных христиан праздником сердечно поздравляю всех вас, дорогие мои! Вновь наши храмы исполнены пасхального ликования. Вновь и вновь мы переживаем великую тайну Искупления, которая освободила людей, идущих за Христом, от власти греха и смерти. По словам святого апостола Петра, Господь наш и Спаситель «*грехи наши Сам вознес телом Своим на древо, дабы мы, избавившись от грехов, жили для правды*» (1 Пет. 2, 24).

Сколь велика к нам любовь Божия! Тех, кто оставил Его, Он не оставил. Тех, кто от Него уклонился, выбрав жизнь по своей воле, Он очистил, приняв страдания и смерть. Тем, кто изнемог в грехах, Он открыл путь покаяния и духовного возрождения — путь к Вечной жизни. Возблагодарим же Господа за Его милость и человеколюбие! Возблагодарим как любящие чада, которые могут укрыться от бед и опасностей в Доме Отца!

Да, нам предстоит еще много потрудиться в винограднике Христовом. Но ваша проповедь и добрые дела, возлюбленные мои, уже принесли сторичный плод, и многие из вас достойны услышать слова Господа: «*Добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего*» (Мф. 25, 21).

Средоточие нашей веры, нашего свидетельства миру, всей нашей жизни — благая весть о Христовом Воскресении. Пасхальная радость была естественным состоянием духа для наших святых. Преподобный Серафим Саровский каждого приходившего к нему приветствовал словами: «Радость моя, Христос воскресе!» Святого праведного Иоанна Кронштадтского, 180-летие со дня рождения и 100-летие со дня блаженной кончины которого мы отмечаем в нынешнем году, называли в народе «пасхальным батюшкой». «Люблю я взирать, — писал он в своем дневнике, — на образ Воскресшего Жизнодавца со знамением в руке, с этим символом победы над смертью и имущим державу смерти — диаволом. Где ти, смерти, жало? Где ти, аде, победа? Какой славный Победитель!»

Будем же твердо идти по пути Христову, исполняя апостольский завет: «*Более и более старайтесь делать твердым ваше звание и избрание; так поступая, никогда не преткнетесь, ибо так откроется вам свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа*» (2 Пет. 1, 10-11).

И как бы трудно ни было нам на этом пути, не будем унывать, «*зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою*» (2 Кор. 4, 14). Это светлое упование озарит жизнь наших семей, общин и народов светом духовным, и мир и счастье воцарятся в наших домах, городах и весях.

Ныне, когда сердце мое исполнено этой великой радости, всех вас, дорогие мои, сердечно поздравляю с праздником Святой Пасхи, обращая к вам слова вечного, идущего от времен апостольских, передаваемого из рода в род приветствия:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

Спешу разделить пасхальное ликование со всеми православными людьми мира, с каждым, кто призывает в молитве имя Христово. Пусть наша радость достигнет и тех, кто еще только ищет спасительную веру и стремится жить с православными христианами в мире и добрососедстве. Мир, радость духовную, здравие, спасение и во всем благое поспешение да дарует всем вам Воскресший Христос Спаситель!

АЛЕКСИЙ II,
Патриарх Московский и всея Руси.
Пасха Христова 2008 года. Москва.
(печатается в сокращении)

ПАСХАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ

Епископа Липецкого и Елецкого НИКОНА

Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с Неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых...
1 Фес. 4, 16-17

Возлюбленные о Господе, досточтимые пастыри, честные иноки и инокини, благочестивые миряне, примите мои сердечные поздравления с праздником Христова Воскресения и долгожданное пасхальное приветствие:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Пасхальная радость снова наполняет наши души и сердца. Все наши мысли и чувства вновь озаряются неземным светом Пасхи Христовой. К этой славе, к этому светоносному преображению и вечной радости в Царствии Небесном призваны и мы.

Христос Спаситель открыл для нас врата его, Он призывает всех и всем дает радость еще здесь, на земле, возродиться к вечной жизни в купели святого Крещения и таинственно и неразрывно соединиться с Ним в Таинстве святого Причащения. Именно святое Причащение считается самым необходимым для духовной жизни человека и его спасения.

Господь Бог возрождает нас *«воскресением Иисуса Христа из мертвых к упованию живому, к наследству нетленному»*, как пишет святой апостол Петр в своем послании (1 Пет. 1, 3-4). Пасхой Христовой мы всякий раз как бы открываем новый период в своей жизни. Господь обновляет нас и дарует нам новые силы для совершения всех наших добрых дел — больших и малых.

В эпоху общественных потрясений, когда утеряны все идеалы добра и справедливости, и семья теряет свои лучшие качества, а этот год провозглашен годом семьи, Церковь обязана особо заботиться о духовном здоровье нашего народа, воскресные и другие школы должны взять на себя заботу о сохранении православной семьи. Так 89 воскресных школ при 61-ом храме, две православные гимназии, работа с воинами, окормление больных, престарелых, в местах заключения — все это делается в нашей епархии с любовью о Воскресшем Христе, для возрождения духовной жизни и спасения.

В нашей епархии за прошедший год рукоположено десять священников, четырнадцать диаконов, открыто девять приходов, освящены три храма, девять престолов, в семи храмах освящены колокола. Продолжается строительство двадцати храмов, освящены три закладных камня под новые храмы. По традиции проводятся Задонские Свято-Тихоновские чтения, пасхальные и рождественские концерты. Были обретены мощи святого блаженного Иоанна Сезеновского и совершено поклонение привозимым мощам святителя Спиридона Тримифунского. А также было проведено и множество других мероприятий: «День знаний», пленэр «По святым местам», «Дни словенской письменности» совместно с управлением культуры г. Липецка и г. Воронежа, телепередачи «Свет миру», «Отчина» и другие.

В этот год готовимся к проведению праздничных торжеств, посвященных 225-летию со дня преставления святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского Чудотворца, святые мощи которого почивают в Рождество-Богородицком мужском монастыре.

Возлюбленные! Во всех трудностях и испытаниях житейских будем помнить слова апостола: «*Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За все благодарите*» (1 Фес. 5, 16). Освобождаясь из греховного плена, всеми силами устремимся к сияющему свету Христову, чтобы исполнить заповедь: «*Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного*» (Мф. 5, 16). И если он наполнит нашу душу, и если мы не позволим суете житейской погасить спасительный свет, — все заботы и скорби нашей непростой и нелегкой жизни отступят перед этим животворящим сиянием Пасхи Христовой, «*двери райские нам отверзающей*».

Будем же идти путем спасения неленостно и постоянно. Путь Христов, путь крестоношения и воскресения приведет нас к свету, воссиявшему от Живоносного Гроба Господня. Жить в этом свете — значит побеждать любую скорбь и печаль, иметь полноту радости. Распахнем же сердца наши навстречу Страдавшему и Умершему, и Воскресшему нас ради, и Он войдет, и наполнит Собой нашу жизнь.

Дорогие! Вновь и вновь с сугубой радостью поздравляю вас со светоносным праздником Пасхи Христовой и вслед за апостолом повторяю: «*...радуйтесь, усовершайтесь, утешайтесь, будьте единомышленны, мирны, — и Бог любви и мира будет с вами*» (2 Кор. 13, 11).

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!
ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ ХРИСТОС!

НИКОН,
Епископ Липецкий и Елецкий.
Пасха Христова 2008 года.
Липецк.

Радуйтесь о воскресшем Господе!

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь.
14 апреля 2007 г.

Христос воскресе! Воистину воскресе!

Вот так мы до Вознесения каждый день все шумим и шумим, прославляем Господа, от души, не просто начинаем хитрить и лукавить, нет, от всего сердца, потому, что Господь воскрес, и мы радуемся, что вновь Господь сподобил нас встретить этот праздник Пасхи.

А есть ли у вас эта радость, ликует ли душа? Посмотрите в сердце свое. Может, какая-то тягота, обида в сердце и нет радости о воскресшем Господе? Но очнитесь, вникните в глубокий смысл пасхальных песнопений, и какая бы не была тяжесть сердечная — на Пасху все отходит. И наше настроение становится радостным, мы как-то просветляемся в эти светлые дни, и хочется петь все время: «Христос воскресе!», хочется, чтобы Господь постоянно был бы с нами, постоянно подавал нам эту радость о Своем Воскресении, чтобы эту радость мог бы каждый приобрести.

Господь сказал: «*Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа*» (Мф. 28, 19). Научите всех познать Бога, научите людей, чтобы они веровали, крестились и воцерковлялись, тогда и они это Воскресение примут как величайшую радость, как величайшую милость от Бога. Вы не представляете, сколько милостей от Бога подается всем православным христианам! Но есть люди, которые пока не знают этой радости, не понимают... Может быть, слышат: «Христос воскресе!» и отвечают даже: «Воистину воскресе!», но у них нет в сердце Воскресшего Господа.

Сейчас одни прославляют Господа, радуются, что Христос после страданий и крестной смерти воскрес, а другим безразлично — воскрес Он или нет. Они не хотят и думать, и слышать о какой-то там жизни вечной, потому что диавол заслонил, помутил их разум, и они не принимают Священное Писание как Слово, как Откровение Самого Бога.

Мы, когда крестились, во Христа облеклись, оделись во Христа, крестились Духом Святым, и теперь Господь с нами, а мы являемся свидетелями Его миссии среди народа, и поэтому среди ненависти к нам и злобы мы так радуемся пасхальным песнопениям: «Христос воскресе!», «Да воскреснет Бог, и расточатся враги Его...»!

Ждем, когда Он опять утешит нас своим Воскресением. Мы ликуем, радость переполняет наше сердце. Радуемся всему: радуемся и этой жизни, радуемся и каждой травинке, радуемся тем более, когда храм Божий предстал пред нами в таком благолепии, в такой красе. Мы ра-

дуемся, потому что в сердце нашем — Господь. И когда нет в сердце радости, приходим мы в другие храмы, то они бывают для нас холодными. Другие здания не радуют нас, они не согревают нас своим теплом. А в православном храме всегда чувствуем присутствие Божие, и чувствуем в сердце, что Он с нами, потому что мы открыли дверь своего сердца и пожелали быть с Господом на этой прекрасной вечери любви.

Но когда мы бываем за нашу греховность, нерадение оставлены Богом — это самое страшное для православного христианина — тогда чувствуем страшные изменения внутри: холод, мрак, сердце волнуется, душа мятется. Потому мы тогда сокрушаемся и плачем и стремимся скорее в храм, на исповедь, чтобы жить всегда с Богом. И Господь всегда спешит утешить. Он наполняет сердце кающегося грешника веселием и любовью.

Но многие ли хотят быть с Господом, хотят быть чадами Божиими? Большинство довольствуются радостями земными, связанными с богатством, славою, изобилием душевных и материального благ.

А у нас радость духовная. Господь и воскрес для того, чтобы воскресить душу каждого человека. А может быть, в душе у некоторых и не воскрес еще Господь? А может быть, еще не открыли дверь своего сердца для Христа, и Он еще не в нашем сердце? Да, есть и такие, которые не приняли еще Бога...

Но когда человек живет с Господом, где бы он ни был — в темнице ли, в лагерях, на послушаниях, в келье, в храме, на природе — везде он чувствует присутствие Божие, он чувствует душой, что Бог с ним. И если случаются какие-то волнения, что-то, кажется, не так происходит, как должно происходить, все равно Господь утешает нас в этом неспокойном мире, согревает Своею любовью, Своим теплом.

Господь воскрес, Он с нами, но сначала претерпел сильнейшие страдания и муки. Иисус Христос шел на вольные страдания и говорил: «[Разве] *Я не могу теперь умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов Ангелов? Как*

же сбудутся Писания, что так должно быть?» (Мф. 26, 53-54), но «...вот, *иду исполнить волю Твою, Боже*» (Евр. 10, 9), пострадать, умереть и воскреснуть. Так разве Господь не может и нас всегда защищать от всех бед и несчастий?! Но часто попускает *по воле Отца* претерпевать нам различные искушения, когда это нужно нам для спасения души.

Помните, как к преподобному Серафиму Саровскому пришла дивеевская монахиня и говорит:

— Батюшка, у нас денег на покупку хлеба осталось на один день.

А старец отвечает ей:

— Разве я бы не смог вам из этой золы сделать золото, но это было бы вам не полезно.

Так и мы не знаем, что нам полезнее. Или умирать мучениками, или терпеть всю жизнь, наблюдая, как средства массовой информации увлекают разными пороками, растлевая не только души взрослых, но и детей. Что лучше? Придет время, когда нас, православных, опять погонят, и многие опять будут в страшном смятении. Но, умирая здесь в муках, мы воскреснем в жизнь вечную. С Господом — мы унаследуем рай. А если мы переметнемся на сторону врага, нас постигнет участь Иуды-предателя.

Сейчас диавол создает громадную армию из людей, которые не приняли Христа, — из язычников и представителей различных религий и сект, чтобы дать решительный и окончательный бой Христу.

Поэтому мы должны всегда помнить, что на этой земле Воскресение Христово будем праздновать не всегда. Придет время кончины мира, будет новая земля и новые люди, как сказано в Священном Писании. А куда все старое денется? Сгорит земля, будет наведен на землю огненный потоп. Все предстанут пред Великим и Страшным Судом Божиим. Живые облекутся в новую плоть, мертвые воскреснут из гробов, чтобы ответить за все дела свои, за всю свою жизнь.

...А пока есть возможность прославлять Господа, радоваться с Ним и вместе с нашей Православной Церковью возносить Богу благодарения, что Он не оставляет нас, что Он дает возможность нам покаяться, исправить свою жизнь, — радуйтесь.

Будем славословить Господа, будем в пениях и песнях духовных прославлять Его. Будем идти за Ним, взяв свой крест, не боясь страданий и мук, идти в тот горний Иерусалим, который ожидает всех любящих Господа, Которому — честь и держава во веки веков. Аминь.

ВЕЛИКАЯ ПЯТНИЦА

Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

Солнце померкло. Земля сотряслась и затрепетала. Разодралась сверху донизу церковная завеса, отделявшая вход в Святая Святых, ибо Сам Господь открыл уже вход не только в Святая Святых, но и в самое Небо, к Престолу Отца Своего.

Содрогнулся ад, ибо рушились сила его и власть его. Расселись скалы, отверзались высеченные в них гробы, и тела усопших святых поднялись и сели, озираясь с изумлением вокруг. И вышли из гробов, и направились в Иерусалим, и явились многим, с недоумением спрашивая, что случилось. Им отвечали: «Совершилася».

Что совершилось? Совершилось дело спасения рода человеческого от власти диавола, закончился святой подвиг Господа Иисуса, сбылись древние пророчества, святыми Исаией и Давидом изреченные уже несколько сот лет тому назад!

«Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу: и Господь возложил на Него грехи всех нас. Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца, веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих... Ему назначили гроб со злодеями, но Он погребен у богатого» (Ис. 53, 4-7, 9). Слышали мы в Евангельских чтениях утрени Великой пятницы то самое, что предсказал св. пророк Давид в своем 21-м псалме: *«Псы окружили Меня, скопище злых обступило Меня, пронзили руки Мои и ноги Мои. Можно бы пересчитать все кости Мои; а они смотрят и делают из Меня зрелище; делят ризы Мои между собою и об одежде Моей бросают жребий»* (Пс. 21, 17-19).

Вот что совершилось.

Испустил последний вздох на Кресте Голгофском Господь Иисус Христос, сказав слово, которое потрясло весь мир: «Совершилася». Повисло безпомощно мертвое тело Иисусово, упала на грудь глава, терновым венцом увенчанная, кровью обагренная. Разодрались под тяжестью тела раны на прибитых к Кресту руках Его. Пришли близкие, пришла Мать Его, пришли апостолы, пришли мироносицы, пришел Иосиф Аримафейский, и в глубоком горе, обливаясь слезами, сняли с Креста Пречистое Тело учителя своего и положили на землю. И горький плач сотворяли над Ним.

Вот и ныне пред нами лежит изображенное на святой Плащанице мертвое тело Иисусово. Сотворим же и мы плач о Нем... На Кресте воссияло Солнце правды, Солнце любви, озарившее весь мир светом своим, светом Божественного сострадания. И от этого Солнца зажглись миллионы сердец тех людей, которые всей душой возлюбили Господа Иисуса Христа, в сердцах которых огненными буквами были начертаны слова Его: *«Аще кто хощет по Мне идти, да отвержется себе и возьмет крест свой и по Мне грядет»*.

Господь первый взял крест, самый страшный крест, а вслед за Ним взяли на рамена свои кресты меньшие, но часто тоже страшные кресты, безчисленные мученики Христовы. Вслед за Ним взяли кресты свои огромные толпы народа, которые, тихо опустив головы, пошли с ними в дальний путь. **В дальний и тернистый путь, указанный Христом, — путь к Престолу Божиему, путь в Царство Небесное, идут и идут уже почти две тысячи лет вслед за Христом толпы народа. На том пути стоят и кресты, на которых распяты мученики Христовы.**

Кресты, кресты... И дальше, дальше все кресты — сколько охватывает глаз, все кресты, кресты... Лежат в лужах крови истерзанные тела исповедников Христовых. Идут вереницей люди, которые отвергли все блага мира, все презрели ради Господа Иисуса Христа, люди, оставившие все, что им было дорого, и посвятившие всю жизнь свою служению Ему.

Идут юродивые под тяжестью вериг и железных крестов, идут безконечной вереницей монахи и монахини, идут Божии святители с крестом и со Святой Чашей в руках.

Идут за ними, как за пастырями, толпы добрых и кротких людей — людей, покорных пути Христову, людей, идущих вслед за своими духовными вождями, за пастырями и учителями. Идут без конца...

Идут толпы простого народа, любящего Христа, на которых исполнилось слово Христово: *«В мире скорбны будете»*. Идут они, неся тяжелый крест скорбей своих.

Идут длинной вереницей изгнанные за правду, изгнанные за имя Христово. Все идут.

Идут чистые, непорочные жены, ведя за ручки своих маленьких детей, ибо и детям открыл Господь вход в Царство Небесное.

Что же, неужели мы не присоединимся к этой идущей толпе, к этому святому шествию по пути скорбей, по пути страданий? Неужели мы не возьмем на себя кресты свои и не пойдем за Христом?

Да не будет!

Да содрогнется сердце наше от зрелища лежащего пред нами бездыханного Тела Христова.

Да наполнит Христос, так тяжко пострадавший за нас, Своей безмерной благодатью сердца наши.

Да даст Он нам в конце нашего долгого и трудного крестного пути понимание того, что сказал Он: *«Мужайтесь! Яко Аз победих мир»*.

4 мая 1945 г.

Святитель Тихон Задонский

Краткие нравоучительные слова

слово двадцать шестое

О любви к ближнему

Корень и начало любви к ближнему есть любовь к Богу. Кто истинно любит Бога, непременно любит и ближнего. Без сомнения, Бог любит каждого человека. Итак, кто истинно любит любящего Бога, тому надобно любить и любимого им человека. *Возлюбим* же *друг друга*, как Бог возлюбил нас.

Все мы, о христиане, одного признаем праотца Адама, все сродное естество имеем, все называемся человеками и все мы человеки. *Возлюбим* же *друг друга*.

Все созданы единым Богом, созданы по образу Божию и подобию: *возлюбим* же *друг друга*.

Все мы, падшие, искуплены Кровью Христа, Сына Божия, возлюбившего нас и предавшего Себя за нас: *возлюбим* же и мы *друг друга*.

Всех нас так возлюбил Бог, что *отдал* и *Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16). *Возлюбим* же и мы *друг друга*, как Бог возлюбил нас.

Всем нам дал Бог слово Свое святое, как светильник, сияющий в темном месте, которое учит нас друг друга любить и от любви друг другу благотворить: *возлюбим* же *друг друга*. Все мы это слово Божие слушаем: *возлюбим* же *друг друга*.

Возлюбленные! Возлюбим друг друга (1 Ин. 4, 7).

Все мы в единую святую веру позваны, и веруем во Отца и Сына и Святого Духа, Единого Триипостасного Бога, Который нас любит: *возлюбим* же и мы *друг друга*.

Все мы одного Бога призываем, молимся, поклоняемся Ему, поем и славословим Его: *возлюбим* же *друг друга*, как Он любит нас.

Все мы называемся христианами от Христа: *возлюбим* же *друг друга*, как Он любит нас.

Все мы единое имеем Крещение, все мы крестились во имя Отца и Сына и Святого Духа: *возлюбим же любить друг друга*.

Все мы при Крещении отрекались от сатаны и всех злых дел его: гордости, ненависти и прочего зла — и обещали Христа и друг друга любить. *Возлюбим* же *друг друга*.

Все мы к вечной жизни позваны и говорим в Символе святом: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века»: *возлюбим* же *друг друга*.

Все мы к одной святой трапезе приступаем и причащаемся Тела и Крови Христовой. О, великое дело! О, непостижимое человеколюбие Божие! *Возлюбим* же *друг друга*.

Христиане! Все мы братья, единого Отца имеем — Бога, Которому молимся и говорим: *Отче наш, Иже еси на небесех!* — и прочее. *Возлюбим* же, как братья, *друг друга*.

Всем нам Отец Небесный от любви Своей подает пищу, одеяние, дом и прочие блага: *возлюбим* же и мы *друг друга*.

Итак, достаточно причин имеет христианин, ради которых должен ближнего своего любить. Главная же причина — та, что Бог человека любит.

Что же, христианин? Захочешь ли ненавидеть любезное Божие создание — человека?

Захочешь ли ненавидеть того, который такой же человек, как и ты?

Захочешь ли ненавидеть того, который создан по образу Божию и по подобию, как и ты?

Захочешь ли ненавидеть того, которого Бог любит?

Захочешь ли ненавидеть того, который Кровью Христовой искуплен, как и ты?

Захочешь ли ненавидеть того, за которого Христос пострадал и умер?

Захочешь ли ненавидеть того, который банею святого крещения омыт, как и ты?

Захочешь ли ненавидеть того, который к вечной жизни позван, как и ты?

Захочешь ли ненавидеть того, которого Бог велит тебе любить, *как самого себя* (Мф. 22, 39)?

Захочешь ли ненавидеть того, который к святейшей Евхаристии приступает, как и ты?

Захочешь ли делать зло тому, которому Бог от единой любви благотворит?

Захочешь ли обезчестить и обругать того, которого Бог почтил?

Захочешь ли проклинать того, которого Бог благословляет?

Христиане! Страшно и очень страшно ненавидеть того, которого Бог возлюбил, за которого Христос умер и пострадал. Опасно и очень опасно делать зло тому, которому Бог благотворит, безчестить того, которого Бог почтил, проклинать того, которого Бог благословил. Итак, *возлюбим друг друга*, христиане, как Бог всех нас возлюбил. Аминь.

Толкование на Евангелие от Матфея

Избранные главы

ПРИЗВАНИЕ ПЕРВЫХ АПОСТОЛОВ

(глава 4, зачало 9)

В первые же дни Своего пребывания в Капернауме Господь Иисус призвал четырех апостолов: Петра и Андрея, Иакова и Иоанна. Нужно было, чтобы они были свидетелями Его жизни, учения и чудес, до самого Его вознесения на Небо. ***Ходя же при море Галилейстем***, повествует Евангелист, Господь знал, что в это время четыре будущие Его апостола занимаются рыбною ловлей, и пришел призвать их к апостольству. ***Виде два брата, Симона, глаголемаго*** – которого Господь еще раньше, при первом свидании нарек именем ***Петра, и Андрея брата его***, которого Церковь наименовала Первозванным, ***вметающа*** – закидывающих ***мрежи в море, беста бо рыбаря*** – так как они были рыболовы, люди бедные, простые, неученые: вот из каких людей избирал Себе Господь первых апостолов, да не похвалится пред Ним мудрый мудростию своею.

И глаголя има: грядита по Мне – идите за Мною, ***и сотворю вы ловца человеком*** – Я сделаю вас ловцами человеков. Мир со всею его суетою то же, что бурное море; души человеческие то же, что рыбы в этом море житейском. Мрежа или невод, коим апостолы уловляют людей, это – святое Евангелие. Как рыбарь извлекает неводом рыбу из моря, так апостолы проповедью Евангелия Христова извлекают души из грешной суеты житейской, из бездны неверия в благодатный корабль Христов, то есть в Церковь Божию, которая приводит их в светлое Царство Небесное. Воистину счастлив тот, кто уловлен мрежею Христовою и обретается на корабле Церкви Православной. Небесный Кормчий не попустит ему власть в челюсти глубинного змия диавола, если только сам он пребудет на корабле Христовом, то есть не уйдет из Православной Церкви в расколы и ереси.

Но поняли ли тогда апостолы-рыбари, что значит это обещание Христово – сделать их ловцами человеков? Едва ли... И однако же они ни на минуту не задумались, не остановились даже, чтобы передать кому-нибудь свои рыболовные сети, дабы они без пользы не пропали: они просто их бросили и с полной готовностью тотчас же последовали за Иисусом: ***Она же абие оставлша мрежи, по Нем идоста***. Такова сила Божественного слова Иисусова. Но велика была и вера апостолов ко Христу. Хотя Он и призывал их, но не принуждал – могли и не пойти, но, однако же, пошли и пошли тотчас же.

Вот такого же послушания желает и от нас Христос Спаситель наш, чтобы мы ни на минуту не откладывали того, чего требует Его закон. И как тогда говорил Он апостолам: *грядите по Мне*, так и теперь всех Он призывает к Себе: *приидите ко Мне вси*... Если и ты, христианин, услышишь слово Божие или голос твоей собственной совести, призывающий тебя на молитву или на дело доброе, Богу угодное, то ведай, что это Христос невидимо мимоходит и взирает, и зовет тебя.

Пошли апостолы за Христом – это значит: стали неразлучными спутниками, учениками Его, и всем сердцем отдались на Его святую волю. С ними Христос Спаситель идет далее по берегу. ***И прешед оттуду, виде ина два брата, Иакова Зеведеева и Иоанна брата его, в корабли с Зеведеом оцем ею, завязующа*** – починивающих ***мрежи своя***. Им не на что было купить новых сетей, и потому они чинили старые, изорванные сети: в такой бедности Иаков и Иоанн питались от праведных трудов своих, и связанные союзом братской любви, они не покидали старика отца и служили ему как любящие дети. Мать их, благочестивая Саломия, впоследствии сама ходила с другими святыми женами во след Господа и служила Ему, чем могла. ***И воззва я*** – призвал их Господь Иисус, призвал, конечно, тем же властным словом Своим: *грядите по Мне*. Он не обещал им даже того, что обещал Симону и Андрею, но и они, по примеру своих товарищей по ловле рыб, безпрекословно, без всяких колебаний последовали за

Господом. При этом им нужно было расстаться с тем, что дороже рыболовных сетей: оставить отца своего, но и сила сыновней любви не могла

И говорит Иисус: *идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков.*

устоять против силы слова Иисусова: ***она же абие оставлша корабль и отца своего по Нем идоста***.

Достойно примечания, что Господь не говорит апостолам: «Оставьте мрежи, оставьте корабль и отца своего», Он говорит: *грядите по Мне*. Но когда они хотят исполнить сие слово, то оказывается, что надо начать именно оставлением и мрежей, и отца. Значит, кто желает действительно быть на пути к Небу, тому необходимо нужно оставить все земные привязанности, все, что препятствует ко спасению души. «Вот случай, – замечает блаженный Феофилакт, – когда нужно оставлять отца: когда он препятствует в добродетели и богоугождении». Должно веровать, что Отец Небесный за твое послушание воле Его не только самого тебя приведет на Небо, но и противляющегося отца твоего земного может привлечь туда же твоею верою.

Итак, послушные гласу Господа, новопризванные апостолы-рыбари простились со своим озером, с прежним занятием, с отцом и пошли за Господом. Так, можно сказать, рыболовное судно было колыбелью христианства, а его повивальными пеленами – рыболовные сети.

И прохождаше всю Галилею Иисус, проходил по всем местам области, чтобы творить людям различные благодеяния, духовные и телесные. Не ученики собираются к Учителю, как имеющие в Нем нужду, но Учитель ходит повсюду, чтобы собрать учеников. Не болящие ищут Врача, дабы получить от Него исцеление – Врач ищет болящих, дабы подать им исцеление.

Воистину, как Сам сказал Он, *Сын Человеческий не прииде, да послужат Ему, но послужити*. И служил Он, проходя по Галилее, ***уча на сонмищах их***, то есть в тех местах, куда евреи собирались по праздникам, чтобы молиться, читать и слушать слово Божие. Сонмища или синагоги для евреев были почти то же, что для нас, православных христиан, церкви Божии: только жертв не могли они приносить в синагогах – жертвы можно было приносить только в храме Иерусалимском. Христос Спаситель каждую субботу приходил в синагогу, молился здесь, как всякий благочестивый израильтянин, подавая и нам пример – не дома только молиться, но и в храме Божием, особенно в праздники, Церковью установленные. И евреи могли видеть, что Он не враг Закона, что Он охотно исполняет все его предписания. Могли слышать из уст Его, что Он не противник Моисею, потому что после молитвы Спаситель открыто поучал в синагоге народ, – ***и проповедая Евангелие Царства***, возвещал радостную весть, что настало, наконец, давно желанное время, о котором предсказывали Моисей и все пророки – что открывается Царствие Божие на земле.

Невидимо было это Царство Божие, о котором говорил Господь. Никогда иудеи не слыхали такого учения, какое Он проповедовал, и вот, чтобы уверить их в истине Своего Божественного учения, Он подтверждал слова Свои дивными чудесами, ***исцеляя всяк недуг*** – всякую застарелую, неизлечимую болезнь, ***и всяку язю*** – всякую случайную немощь ***в людях***.

Быстро пошла народная молва о новоявленном Пророке-Чудотворце: ***и изыде слух Его*** – слава о Нем – ***по всей Сирии***, по всей той области Римской, которая простиралась от реки Евфрата, что в нынешней Турецкой Армении, до моря Средиземного, и от Малоазийских областей до пустынной Аравии. ***И приведоша к Нему*** – приводили к Нему ***вся болящыя, различными недуги и страстми*** – припадками – ***одержими и бесны*** – одержимых злыми духами, которые, Божиим попущением, овладевают людьми за их нечистую, греховную жизнь, особенно за гордость, нераскаянность во грехах, овладевают такими бесы и мучат их. Приводили к Спасителю ***и месячныя***, то есть лунатиков, которых особенно мучил бес в полнолуние, которые бродят во сне по крышам домов и лазят, где придется, – ***и разслабленныя*** (***жилами***) или разбитых параличом, лежащих без движения, ***и исцели*** – Господь исцелял их всех, исцелял не человеческою силою, не врачебным искусством каким, а Своею всемогущею Божественною силою, – одним прикосновением, даже одним словом Своим. И так много было этих чудесных знамений, что Евангелист Матфей не считает нужным описывать каждое чудо отдельно, а только кратко упоминает о всех вообще. Христос разливал вокруг Себя, по выражению святого Златоуста, целое неизреченное море чудес.

И приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их.

ТРОИЦКИЕ ЛИСТКИ.
ТОЛКОВАНИЕ НА
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ.

(печатается в сокращении)

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 27

Из воспоминаний схимонахини Елисаветы

(часть 1)

Первое знакомство

Все началось с того, что по благословению священника, у которого я до этого окормлялась, я отправилась к отцу Серафиму (Романцову) просить благословения на отъезд за границу по окончании мединститута...

Вся наша семья держалась Глинской. Мама со старшими братьями и сестрами частенько ездила туда, и нашу семью там знали. Вот только мне не удалось там побывать – меня по малолетству с собой не брали. В 1961-м году Глинскую закрыли, но отец Серафим все равно считался старшим над всеми глинскими монахами. Поэтому батюшка, у которого мы окормлялись, велел поехать к нему в Сухуми спросить, как он благословит поступить. «Заодно, – сказал батюшка, – по святым местам Абхазии поездишь».

А в то время моя близкая духовная подруга, Раиса, как раз жила там. Приехала я к ней, и мы вместе пошли к отцу Серафиму...

Он в то время болел. И когда мы зашли, спал. Мы постояли-постояли – Раиса видит, что спросить ничего не удастся, и говорит мне тихонько: «Ну, пойдем». Как вдруг отец Серафим открывает глаза и благословляет ее и меня. Раиса хочет объяснить, что я сестра диакона Алексия и Елены, он их хорошо знал; я пытаюсь спросить про свою поездку за границу. Но не успели еще мы всего этого сказать, как отец Серафим поднимает руки и говорит: «Сюда, сюда, сюда... всем-всем радость...», и я сразу поняла, что старец благословляет меня переезжать в Грузию, и моя поездка за границу отменяется. Судьба моя решилась. Раиса спрашивает: «Отец Серафим, а как же прописаться-то?» – в то время за прописку в Грузии надо было заплатить бешеные деньги. А он: «Все-все будет, все-все будет». Тогда она спрашивает: «Отец Серафим, благословите нас по святым местам». Он отвечает: «По святым местам благословляю. А потом, – говорит, – подойдете к нам опять».

Мы поездили везде по святым местам, и когда перед отъездом снова пришли к отцу Серафиму, он благословил меня. Такие живые проницательные глаза у него были в этот момент – до сих пор не могу забыть!

И я полетела домой – рассчитываться с работы, паковать вещи...

А моя духовная сестра Раиса направилась в Загорск: ее благословили отвезти корзины персиков для братии. И когда она по приезде подошла к раке преподобного Сергия, то встретила отца Виталия. Она уже знала его раньше, а я – только понаслышке. Сестра сказала ему: «Отец Виталий, батюшка Серафим благословил взять Шуру – то есть меня – в Тбилиси». Он ответил: «Будем молиться». Молился он у раки преподобного ровно час. А потом обернулся и дал Раисе для меня пояс и 20 копеек со словами: «Вот – поясок ей передай. И пусть благодать Божия льется ей серебром. Аминь. Езжай и забирай ее. А я потом приеду...» Тот пояс я ношу до сих пор.

Сестра заехала за мной, и мы полетели в Грузию. Прибыли. Ждем отца Виталия. Через некоторое время узнаем, что он приехал, и отправляемся к нему.

Когда я в первый раз пришла к Батюшке, он сказал мне: «У каждого человека в сердце как бы книжечка открыта. Вот у тебя на одной странице написано «врач», а на другой – «Бог»: тебе талант врача от Бога дан. Только, – говорит, – нос не задирай, ведь каждому человеку при рождении два пути дается».[1] И правда, в тот момент передо мной стоял выбор: или поступить по благословению и остаться жить в Грузии, или, приняв престижное предложение, уехать за границу. Я часто потом думала: не благослови меня отец Серафим тогда переезжать в Грузию, моя судьба, несомненно, сложилась бы совсем по-другому: пошла бы я по широкому пути. В советские времена заграница – это же и деньги, и уважение, и почтение. А если еще человек талантливый? Дали бы институт и закружилась бы я в суете... Когда ж мне там было бы к Богу обращаться? Может, и обратилась бы когда, но только в критические, безысходные моменты... Так что благословение отца Серафима и Батюшкины молитвы направили мою жизнь на спасительное русло...

Отец Виталий сам никогда ничего не решал, а обычно говорил: «Ну, как отец Серафим благословит». Или позже: «Как Владыка благословит», – в смысле, Влады-

---

[1] По всей вероятности, Батюшка имел в виду два пути, между которыми лежит жизненный выбор каждого человека: служение либо Богу, либо своим страстям – «миру сему». Потому о. Виталий как бы сказал: получив от Бога талант, смотри, чтобы ты не впала в гордость, не обольстилась славой, которую будет предлагать мир, и таким образом не пошла бы по широкому пути, упоминаемому в Евангелии. Об этих двух путях там сказано так: «*Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их*» (Мф. 7, 13-14). (*Прим. ред.*).

ка Зиновий. А сам молился. Так же сказал и в этот раз. Батюшка часто повторял: «Владыка у нас непростой».

Я спросила, куда мне лучше пойти работать – у меня были такие документы, что приглашали во многие грузинские больницы. Но Батюшка сказал: «Да лучше с русскими... Ну, будем молиться». И опять: «К Владыке идите – как Владыка скажет». Раиса стала возмущаться: «Ну что ты нас все посылаешь куда-то?! Ты **сам** конкретно нам скажи! Мы у **тебя** спрашиваем!» Они так запросто разговаривали с о. Виталием, потому что с сестрой Ларисой знали Батюшку очень давно – почти с детства: когда они встретились с отцом Виталием, Ларисе было 14 лет, а Раисе 16... Но Батюшка в ответ на ее такое горячее возмущение только улыбнулся.

Отправились мы к Владыке. Он благословил поступать, как сказал отец Виталий. И за 10 лет вперед предсказал мне, что у нас с сестрой впоследствии будут трения, еще кое о чем предупредил... – Владыка, действительно, был «непростой».

По молитвам Владыки и отца Виталия обустройство на новом месте у меня прошло на удивление легко и гладко: приняли на работу, одна раба Божия прописала к себе, а через полтора года от работы дали квартиру – абсолютно безо всяких взяток. Мне незадолго до этого отец Виталий сказал: «Если тебе будут от работы давать квартиру, ты не отказывайся».

Удивительно еще, что в том отделении, куда я устроилась по благословению Батюшки, я работаю по сей день. Меня, конечно, пытались перевести, но приду к Батюшке:

– Отец Виталий, вот туда-то приглашают...

– Нет! Сиди в отделении.

И сейчас что-то упразднили, кого-то сократили, а наше отделение пока работает.

Матушка отца Павла – Серафима

Вспоминается один случай, который подтверждает слова Батюшки о том, что Владыка Зиновий был «непростой». Перед смертью митрополита пришли мы все к нему прощаться. Стоим, плачем. А мать Серафима (жена иерея Павла – секретаря Владыки) взяла благословение, стала в сторонку и, плача, думает: «Сейчас Владыка отойдет – на кого же он нас оставит?.. К кому мы теперь обращаться-то будем?.. К кому же?!.» А митрополит потихонечку ее подозвал и говорит: «Серафима, а Виталий такой же, как Андроник».

Мать Серафима раньше сильно болела – у нее был рак крови и грыжа. Однажды отец Виталий выбегает из пономарки, несется по двору мимо кухни (зачем-то его к Владыке позвали), а около кухни мы все стоим. Он бежит, по пути хватает какую-то грязную тряпку и начинает тереть ею мать Серафиму, там, где у нее грыжа была: «Чего это, – спрашивает, – у Вас здесь грязное?» Потер и побежал дальше. Она пришла в этот день домой, смотрит – а грыжи нет.

«За всё – слава Богу»

Батюшка Виталий очень часто не ходил, а именно бегал, можно даже сказать, летал! Когда он кадил или просто двигался по храму в стихаре, так и хотелось посмотреть: нет ли у него там сзади крыльев?

Помню, когда отец Виталий еще не был священником, он часто говорил: «Вот я выйду на проповедь... И как начну рассказывать!.. А много не надо: вот солнышко, вот небо, вот воздух – всё это Господь создал для нас, и за всё – слава Богу».

И когда его уже рукоположили, Владыка благословил отца Виталия говорить проповедь в день памяти преподобного Серафима Саровского. Народу в церкви, что называется, битком. Батюшка «вылетел» и начал читать тропарь преподобному: «От юности возлюбил еси Христа, блаженне...» Потом: «Серафим Саровский достиг большой высоты...» Затем что-то там еще – и завершил: «...Богу нашему слава, честь и держава во веки веков, аминь!» Настолько быстро он сказал эту проповедь, что пока люди собирались, пока друг на друга шикали, друг друга успокаивали, Батюшка уже закончил. Одна бабулька вздохнула: «Ну вот: прилетел и улетел! Ничего не успели услышать».

Когда отец Виталий исповедовал, он говорил: «Не бойтесь исповеди. Чего вы боитесь? Я сам за вас все ваши грехи расскажу, разрешу – и все! Что ж вы так дрожите, трепещете? Это вас враг пугает. Не надо бояться рассказывать грехи».

А до священства, когда все исповедовались у батюшки Андроника, отец Виталий, видя, что женщины стесняются, начинал во всеуслышание «исповедываться»: грехи перечисляет, перечисляет, перечисляет... уже и женские пошел называть! Отец Андроник говорит: «Виталий, ну что ты говоришь?! Это ведь женские грехи, у мужчины таких не бывает». Отец Виталий стукнет сам себя по лбу и уйдет.

Помню и еще случай, показывающий прозорливость отца Виталия. Если Батюшка вдруг начинал напевать: «Вазис рка» (район в Тбилиси, название которого переводится на русский как «Виноградная лоза»), – это означало, что скоро придет или приедет человек, подверженный алкогольной страсти, что вскоре, действительно, и случалось.

Божий храм – земное небо

Когда батюшка Андроник ночью служил литургию и совершал проскомидию, отец Виталий часто оставался с ним.

На колокольне в то время жила схимонахиня Харитина. Однажды просыпается она ночью и видит в храме яркий свет, множество народа и слышит пение. Она потом рассказывала: «Я вскочила и думаю: как же это я могла проспать литургию?! Спускаюсь, захожу в храм – никого нет! Что ж такое со мной было?» То же самое видел ныне покойный церковный староста Иван Яковлевич.

А батюшка Андроник с отцом Виталием в этот момент совершали проскомидию. Вернее, совершал батюшка Андроник, потому что отец Виталий тогда еще не был священником.

После литургии они прикладывались ко всем иконам в храме.

Отец Виталий говорил, что это длилось у них два часа.

Помню, он поучал нас: «Вот если икона на потолке (настенная роспись), как ты ее поцелуешь? Тогда читаешь ей тропарь, кладешь два земных поклона. На третий земной поклон целуешь землю, а умом в это время как бы прикладываешься к иконе».

Когда у Батюшки спрашивали разрешения съездить куда-нибудь по святым местам, он рассказывал: «Я у Владыки тоже как-то спросил благословения, а он ответил: "Умом сходи. Представь себе, что ты там находишься, и умом поклонись святыне: положи два поклона, а когда будешь делать третий – считай, что ты прикладываешься к иконе или к мощам. Только самое главное – имей веру"».

Батюшка рассказывал, как однажды они с отцом Андроником после литургии прикладывались к иконам и подошли к иконе Божией Матери «Знамение», что возле клироса. Начали читать тропарь: «*Яко необоримую стену и источник чудес стяжавши Тя. Пречистая Богородице, сопротивных ополчения низлагаем. Темже даруй мир храму и граду сему...*», – и в этот момент открылся купол, и они увидели, что над каждым домом в городе горела свеча. Отец Виталий говорил, что это чудотворная икона, и благословлял обязательно к ней прикладываться.

Отец Павел

Однажды шел по двору отец Павел – секретарь Владыки. Навстречу ему – отец Виталий: «Простите, благословите...» – кланяется чуть не до земли. А отец Павел был большой шутник. Вот он возьми и скажи: «Виталий, я тебя сейчас буду исповедывать», – а ни тот, ни другой еще не были священниками. Отец Виталий бухнулся перед ним на колени, схватил полу его плаща, на свою голову натянул и начал перечислять грехи... отца Павла! Тот: «Ты что? Ты что, Виталий?!» – покраснел и начал полу у него из рук выдергивать. А отец Виталий держит и перечисляет все подряд. Отец Павел кое-как освободился и убежал.

Вообще-то, отец Павел был очень духовный, он много чего видел. С 12-ти лет около Владыки Зиновия – сначала келейником его был, а, вернувшись из армии, стал митрополичьим секретарем и почти постоянно находился около архиерея. Тот его называл «Павлушок» и, если что-то нужно было сделать, неизменно поручал ему. Вызовет:

– Павлушок, надо вот это.

Тот сразу:

– Благословите, Владыко, – и немедленно идет исполнять.

Отца Павла называли «препростый»: у него очень щедрое сердце было, душа щедрая – всем старался помочь. Покойников хоронил безродных, у кого паспорта нет. Тогда же советское время было – за всем этим очень зорко следили. Но отец Павел правдами, неправдами, через знакомых или еще как – делал свое дело.

Несмотря на то, что по жизни он шутник, литургию совершает всегда с большим страхом и благоговением – он же среди Отцов вырастал. Хоть и был их как бы баловнем. Но когда служит, а особенно когда несет Дары во время входа на Херувимской, он весь дрожит, пот с него буквально градом льется. Или же когда исповедует: начнет исповедывать – и сам грехи свои рассказывает, и плачет вместе с говеющими... Такая вот яркая натура.

Но пошутить он любил всегда. Помню, как-то собрались у нас батюшка Андроник, Владыка Зиновий, отец Виталий, отцы Филарет, Исаия, Вениамин глинские... Сели трапезовать. Начали кушать арбузы. А отец Павел сидит рядом с отцом Виталием и говорит ему:

– Виталий, вот арбузы... А, между прочим, за шкурки и семечки тоже деньги платили!

Отец Виталий тут же принялся есть арбузы вместе с семечками и со шкурками... Отец Павел:

– Да ты что, ты что – я же пошутил!.. – и стал кусок арбуза у него вырывать.

Владыка заметил:

– Что это у вас там такое?

Отец Павел – оправдываться:

– Да вот... Виталий тут... это самое... опять юродствует.

Владыка говорит:

– Виталий, не надо, прекрати.

Такие они, старцы наши были – как дети...

«Я тороплюсь, чтобы успеть»

Рукополагали отца Виталия в январе: первого числа во диакона, а второго, на свщмч. Игнатия Богоносца, во священника.

Но долгое время Батюшка был в затворе. У властей он числился как «народник» (это значило, что за ним шел народ). Конечно, хотели изолировать его, была установлена особая слежка, но не могли никак поймать и специально прислали с Украины женщину-майора, чтобы захватить Батюшку. Однако верующие об этом как-то узнали и, пока майор стояла в храме, отца Виталия через пономарку вывели из алтаря. Владыка за него боялся; боялся, что Батюшку могут посадить, так как у него не было документов. И отец Виталий по Владыкиному благословению провел в затворе несколько лет.

Первое время в храм его привозили служить и причащаться только ночью. Потом стало немного легче – Батюшка мог служить днем, но подходить и разговаривать с ним строго запрещалось. Он даже конверт с письмом не мог самостоятельно отправить: если отец Виталий своей рукой писал адрес, письмо не доходило.

Лишь какое-то время спустя Батюшке сделали документы и чада получили к нему более свободный доступ.

Но и будучи в затворе, отец Виталий не забывал своих духовных детей, даже посылал им посылки. Мы с несколькими сестрами имели возможность видеться с отцом Виталием: когда мать Мария уходила в храм (она была псаломщицей), Батюшка подавал нам условный знак, и мы подходили к его окну. Одно время он очень много посылал посылок с сухариками в Россию – предсказывал, наверное, что настанет голод, перестроечное время: «Я, – говорит, – тороплюсь, чтобы успеть». А, может, свою скорую кончину предвидел – вот и торопился нам в душу как можно больше благодати вложить...

Подойдешь к окну – Батюшка просит:

– Пока сестры Марии нет, отнеси три посылки, пожалуйста. Отнесешь?

– Отнесу.

– А четыре сможешь донести?

– Смогу, отец Виталий!

Иду на почту, возвращаюсь.

– Вот и хорошо. Пока Марии нет, еще отнеси...

Иногда он говорил, что надо сделать. Например: «Вот такую ковровую дорожку купишь и пошлешь в такую-то церковь», – даст деньги, адрес церкви, объяснит, какого размера должна быть дорожка...

Несмотря на то, что Батюшка находился в затворе, он вел очень деятельную, активную жизнь.

Но все-таки чадам очень не хватало отца Виталия, его бесед, поучений. Позже у него появилась возможность служить днем, но общаться с ним все равно было нельзя. Мы старались улучить краткие моменты, чтобы что-то спросить и получить ответ. Допустим, кончилась служба, Батюшка дает крест. Подходишь ко кресту и быстро задаешь ему свой вопрос, а он так же быстро, на ходу отвечает. Батюшка требовал, чтобы мы кратко формулировали свои вопросы: «Когда подходите ко мне, не надо растягивать свою речь, рассусоливать. Надо все говорить предельно сжато – четко, ясно, конкретно».

Помню, приехала однажды в Грузию, чтобы повидаться с Батюшкой, моя родная сестра. Отец Виталий служит молебен, а она сзади стоит и думает, что у него спросить, когда будет подходить ко кресту: «Первый вопрос – благословиться, на какое число взять билет; второй – насчет работы... – а третий вопрос она забыла. – Какой же третий вопрос я хотела задать?..» Молебен кончается, сестра подходит ко кресту. Вдруг, прежде чем она успевает что-то сказать, Батюшка отвечает сестре на два первых ее вопроса и говорит: «Повтори третий вопрос»...

Но частенько такие «переговоры» чад с отцом Виталием замечала мать Мария и тут же бежала отгонять: «Ох! Нет благословения к нему подходить! Нет благословения с ним разговаривать!» – она, конечно, очень боялась за него. А отец Виталий по смирению так объяснял нам причину своего затвора: «Вас ко мне не допускают по моим грехам».

Икона Божией Матери Смоленская, перед которой слезно молился отец Виталий и всегда ставил ей свечи. По его словам, образ этот чудотворный. Икона находится справа в храме в честь Александра Невского, г. Тбилиси.

Все же оставленными чада Батюшки никогда не были. Если у кого-то случались скорби, отец Виталий всегда умудрялся передать записочку или еще что-нибудь, чтобы утешить.

Отец Виталий часто говорил: «Если у кого-то что-то случилось и вы не можете со мной повидаться, подходите к Матери Божией, к иконе ее Смоленской – у нас в храме висела большая икона – просите Ее. Она обязательно поможет». И правда: сколько раз такое бывало... Как-то уехала я на учения, а одна сестра очень переживала: боялась, что меня там ранят или убьют. Стоит она у Смоленской и тихонько, беззвучно плачет: «Матерь Божия! Матерь Божия, пусть она приедет быстрей, верни ее!..» Вдруг из алтаря «вылетает» отец Виталий:

– Кто тут плачет?! Кто тут плачет?!

Сестра опешила, вначале даже не поняла, в чем дело. А Батюшка смотрит на нее:

– Ты что?

– Шуру на учения забрали!

– Да приедет она! – повернулся и пошел.

А иногда бывали и такие случаи. Некая сестра, Батюшкино чадо, решила уехать из Грузии. Она пела на клиросе, день проводила в храме, а ночевать ходила на вокзал – не было возможности устроиться на квартиру. Жить таким образом было очень тяжело; на клиросе, конечно, частенько случались различные испытания, искушения; с отцом Виталием увидеться не было возможности – и эта матушка, никому ничего не говоря, решила уехать. Подошла она к Смоленской иконе Богородицы и начала молиться: «Матерь Божия, помоги мне, чтоб копеечка была добраться до сестры», – а сестра у нее жила в Москве. Вдруг чувствует, будто кто-то стоит рядом и пальчиком трогает ее за плечо. Поворачивается – отец Виталий! В халате, в домашних тапочках... А на улице была грязь. Стоит и говорит: «Что это ты удумала? Нет тебе воли Божией уезжать. Не смей». Она остолбенела: в то время он жил на третьем этаже, и мать Мария постоянно держала его под замком. Как он мог оттуда спуститься и прибежать? Да и тапочки на нем были почему-то чистые.

И подобные случаи происходили с отцом Виталием нередко. Допустим, ставит он в келье свечи. Заходим – Батюшки нет. Мать Мария принимается его искать: она боялась, что отец Виталий выберется на улицу и попадется милиции. Ищем все, заглядываем везде, но нигде Батюшку не находим. Снова заходим в келью – он, как ни в чем не бывало, ставит свечи.

– Отец Виталий, где ты был?

– Я здесь, никуда не уходил.

Ладно – на Дидубе: там частный дом, первый этаж. Но то же самое случалось, когда они с мать Марией жили и на третьем, и на пятом этаже...

О ЛЮБВИ И ЕДИНОМЫСЛИИ

Часть 1

Вопрос: *Многие люди сегодня жалуются на отсутствие взаимопонимания друг с другом. Бывает, говоришь с человеком о каком-то деле, а он видит ситуацию «вверх тормашками». Совершенно не понимает тебя. И зачастую получаются стычки, а то и большие смуты «на ровном месте» даже между близкими людьми. Иногда это доходит до такой степени, что хоть беги, как говорится, «куда глаза глядят»... Что это за явление? Определяется ли это только «неблагоприятным стечением обстоятельств» в конкретной ситуации или же причина здесь более глубокая и серьезная?*

Ответ: Расстроить доброе взаимопонимание между людьми во всяком обществе, во всяком братстве, во всякой семье – одна из самых вожделенных целей диавола и одна из самых сильных и распространенных его тактик в борьбе против христианства. Христос сказал: «*Мир Мой даю вам...*» (Ин. ...) и «*По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою*» (Ин. 13, 35). И если люди друг друга любят и как-то поддерживают, то враг обязательно будет устраивать всевозможные козни между ними, «бить клинья», чтобы расколоть любовь, не допустить мира, единомыслия и взаимоподдержки.

В последнее время пришлось стать свидетелем распада нескольких христианских семей. Если попытаться проанализировать это скорбное явление, то причина усматривается фактически одна: будучи православными христианами, супруги не старались (или недостаточно старались) теоретические познания Православия воплощать в своей повседневной, практической жизни. Иными словами, проявившуюся между ними человеческую любовь не сумели поднять до уровня любви христианской, любви жертвенной. Ведь если человек любит другого человека и ждет, что тот за это внимание и почтение должен в ответ ему приносить всегдашнее радование, утешение и наслаждение, то как называется эта любовь? Так и язычники любящих их любят. Такая любовь не живет, не развивается, а угасает и разрушается, превращаясь в разочарование, а то и во что-то худшее: «Ах, как я ошибся (или ошиблась) в ней (или в нем)... надо искать что-то другое – более подходящее... Да! Вот, кажется, нашел! Вот она – как раз такая, какую я давно искал! Она даст моей душе счастье и покой!..» Но через несколько лет находится третья, четвертая «любовь»... и т.д. Эгоистическая любовь неудовлетворима. А любовь истинная, христианская – она жертвенна, христоподражательна. Она живет тем, что самоотверженно приносит радость другим и в этом жертвенном служении обретает свою жизнь, радость и утешение. Истинная любовь долготерпит, милосердствует, не безчинствует, не ищет своего, все покрывает, все переносит. Такая любовь никогда не перестает (ср.1 Кор.13, 4-8).

А у современных молодых людей получается как? Сегодня: «Жить не могу без этого человека!.. Если без него – покончу с собой!!!», а через некоторое время совместного жительства: «Не могу терпеть этого человека!.. Если нам не расходиться – покончу с собой!!!» А ведь не в столь давние времена наши бабушки и дедушки заключали брачные союзы не на основании, как сейчас говорят, взаимной любви, а по избранию и благословению родителей. И какие бывали крепкие и счастливые семьи. Одной из главных причин был не стыд разойтись, как некоторые сейчас думают, а проявление христианской жертвенной любви, при которой супруги ради Бога старались (кто, конечно, насколько мог) проявить любовь, уважение и услужение друг другу. А при проявлении тех или иных немощей и греховных склонностей исполняли основной духовный закон: «*друг друга тяготы носите и тако исполните закон Христов*» и «*терпите друг друга любо-*

вию». Этот закон – всеобъемлющий. И без его исполнения разрушаются и семьи, и приходы, и братства...

А еще хочется сказать, что в отношении любого конфликта нужно быть очень внимательными, не забывая о лукавстве диавола. Ведь он, человеконенавистник, такие «шуточки» иногда подсовывает – нарочно не придумаешь! Пусть каждый подумает – наверняка вспомнит что-нибудь подобное. А я расскажу по этому поводу такой случай.

В одной маленькой деревушке подвизались два брата: один старше, другой моложе. Они имели определенное молитвенное правило, постились, воздерживались от всего суетного и греховного – жили, одним словом, ради Бога. Старались они также иметь между собой доброе единомыслие и по мере сил помогать друг другу справляться с недостатками – хотя у каждого были свои греховные привычки, но по взаимной любви братья «подтягивали» друг друга. Врагу это, конечно, не понравилось – он начал строить между ними козни...

Однажды «тангалашка» – так называл демонов старец Паисий Святогорец – сыграл с ними такую «шутку». По заведенному распорядку в этом маленьком «скитке» около двенадцати часов дня был чай. И для того, чтобы было с чем его пить, братья иногда делали так называемую «шарлотку»: выплескивали на сковородку жидкое тесто, клали сверху порезанные яблоки и снова заливали слоем теста. Получалась яблочная лепешка. Потом со временем придумали в тесто добавлять какао-порошок – получался «шоколадный» вариант шарлотки.

Как-то раз младший брат отправился на кухню, так как была его чреда – они трудились на кухне, меняя друг друга. При этом он подумал: «Пойду, спрошу у старшего, какую лепешку сегодня делать: шоколадную или простую». Подходит и спрашивает:

– Благослови, брат. Шарлотку сегодня с чем делать? С какао?

Брат отвечает:

– Как хочешь. Но имей в виду – делай только для себя.

Повар отошел озадаченный. «Не понял. Почему "только для себя"? Неужели он не будет есть? Пойду-ка, переспрошу». Идет и снова спрашивает:

– Прости. Я что-то тебя не понял: шарлотку мне делать ТОЛЬКО ДЛЯ СЕБЯ?

Брат посмотрел на него очень удивленно:

– То есть как?..

– Ты сказал, что «делай только для себя».

– Я такого не говорил.

– Говорил! Я у тебя спросил, а ты так ответил.

– Да что с тобой?! Я такого не мог сказать, потому что я голодный – я же вчера не ужинал. Меня даже на молитве одолевали помыслы «быстрей бы чего-нибудь поесть». А ты говоришь, что я сказал «делай только для себя». Я НЕ МОГ такого сказать!

– Как «не мог»? Я же слышал своими ушами!

– Своими ушами?! А ты уверен, что с твоими ушами всё в порядке?!

Завязался спор – да такой, что оба «света белого не взвидели». Старший обвинил младшего в том, что у того уже начались слуховые галлюцинации, так как он мало спит, чрезмерно подвизается... и т.д. Тот смутился, начал оправдываться...

Так они «бились лбами» больше двух часов. Кончилось тем, что оба вымотались и душевно, и телесно. Потом уже кое-как примирились...

Пошел младший снова на кухню. Хотя уже не до шарлотки ему, но нужно все-таки что-то готовить, потому что совсем уже голодные. И опять помысел: «А какую же все-таки ее делать: с какао или без? Пойду спрошу». Идет, снова спрашивает:

– Скажи, брат, пожалуйста: шарлотку делать шоколадную или простую, без какао?

Смотрит на своего собрата. А у того глаза округлились, из бледного он вдруг сделался красным. Молчит, слова произнести не может. А потом:

– Прости меня... кажется, я все понял... Как же враг над нами посмеялся!

И вот что рассказал. Когда младший подошел к нему в первый раз и спросил: «Шарлотку делать с какао?», то он понял, что речь идет о... приготовлении напитка, а не о шарлотке. И, желая пить чай, а не какао, ответил: «Делай только для себя». Потому-то он и был так уверен в своей правоте. Собрат же, действительно слышавший эту злополучную фразу «своими ушами», тоже не мог отказаться от своего мнения. А в итоге, сколько нагрешили из-за того, что «чуть-чуть» друг друга не поняли!

Вот какие злые «шутки» умеет устраивать враг, лишь бы разрушить мир и взаимную любовь между единомысленными душами. Впоследствии, когда братья рассказывали мне эту историю, они так прокомментировали происшедшее: «Если бы мы были более внимательными, этого могло и не произойти. Когда возникли взаимные обвинения, обиды и недовольства, нам и в голову не пришло подумать о том, что раздувают этот пожар злые духи, напрямую заинтересованные в нашей ссоре. Мы восприняли си-

Есть только одно истинное счастье на земле – пение человеческого сердца... Сердце поет, когда оно любит. Оно поет из любви, которая струится живым потоком из некой таинственной глубины и не иссякает... Сердце приобретает эту способность только тогда, когда оно открывает себе доступ к божественным содержаниям жизни и приводит свою глубину в живую связь с этими неразочаровывающими драгоценностями неба и земли...

И. Ильин

туацию чисто "по-человечески", за то и были наказаны. А еще Господь попустил нам быть так осмеянными от демонов за наши "кухонные изыски". Ведь если мы согласились жить ради того, чтобы покорять свою грехолюбивую плоть духу, то и нужно было иметь умеренность во всем, в том числе и в отношении пищи. А не сочли этот момент достойным внимания – получили соответствующую встряску».

Вот насколько необходимо нам быть внимательными ко всему происходящему в нашей душе. Не случайно преподобный Нил Афонский Мироточивый сказал: «Вы губите спасение свое невниманием вашим».

У нас среди пустынной братии тоже бывали подобные случаи, когда бесенок так замутит воду, что не понимают братья друг друга, и на этом основании получаются большие недоразумения. Враг рода человеческого никого не оставляет в покое – ни мирян, ни монахов. Разве только тех, кого надежно уже уловил в свои сети... Так что нам подобает быть очень внимательными и бдительными и помнить, что наша духовная брань идет не против людей, а против бесов и против своих страстей.

Вопрос: *Вы много рассказывали о своей жизни с отцом Давидом. Интересно, как вам удавалось мирно жить?*

Ответ: Думаю, причина здесь двоякая. С одной стороны, я считал, что мне подобает слушаться Давида, так как знал, что он – раб Божий. То есть любил и уважал его, потому и старался принимать его «правила жизни» безоговорочно. А с другой стороны, Давид сам был кроткий, смиренный, тихий, и это способствовало миру между нами.

Но, конечно, враг тоже строил козни. Например, был такой случай. Однажды я пошел собирать чернику. Собирал весь день, вернулся сильно уставший. И во время вечернего правила меня сморила дремота. Чтобы не спать на молитве, я попросил: «Дай-ка, я буду читать вечерние молитвы, а то боюсь, что буду дремать» – обычно вечерние молитвы читал он. Но когда я только сказал ему это, он вдруг раз – и начал читать молитвы. «Вот, – думаю, – искушение! Я же сказал ему, что "давай я буду читать", а он вдруг начал читать сам!..» И меня всю молитву враг «промутил»: «Ну, что это он такое делает?! Ну, как это? Такого раньше не было, что с ним случилось? Он же знает, что я дремлю на молитве, уставший...» – и так далее.

Слава Богу, после правила у нас была заведена взаимная исповедь. Мы друг другу довольно подробно

и откровенно исповедали помыслы, какие случались друг против друга в течение дня, и вообще, чем согрешили пред Богом и перед людьми. И вот я говорю Давиду:

– Я тебе сказал, что буду читать я, а ты почему-то начал сам. И мне враг всю молитву перемутил. Я не мог слушать молитвы, а всё думал об этом. Почему ты начал читать, когда я сказал, что «буду читать я»?

– Как так? – удивился он. – Я услышал, что ты сказал: «Читай молитвы, а то я устал, буду дремать». Потому я и начал читать.

– Да как так?! Я сказал, что «буду я»...

– А я подумал, что поскольку ты устал, тебе трудно будет читать...

И мы поняли, что враг «сыграл» с нами, как с теми братьями, которые видели: один – ворону, другой – голубя. В Отечнике сказано, что два брата подвизались вместе. Они долгое время жили мирно, и, чтобы их поссорить, бес явился им в виде птицы. Одному показался голубем, а другому – вороной. Братья начали спорить, дело кончилось чуть ли не дракой, а враг посмеялся. Вот и мы поняли, что диавол против нас тоже воюет очень сильно – «работает» на раскол. Один из нас говорит одно, а другой слышит другое. Так что мы сразу поняли это, сделали себе соответствующие выводы (что это враг нас хочет поссорить и разъединить) и начали более внимательно относиться к такого рода искушениям.

Потом последовала еще одна подобная козни. У нас был деревянный молоток – иногда мы им работали, когда что-то долбили стамеской. И вот один раз я им что-то долбил. Потом два дня были праздники. Я сидел в келии, никуда не выходил, так что молоток лежал на месте. В понедельник Давид попросил его к себе (мы жили в разных келиях: одна крыша, но келии были разделены). И вот начал я искать. Искал, искал... нету! Говорю:

– Как же так? Где он? Куда делся? Наверное, ты его брал?

– Нет, не брал.

– А куда же он делся?

Туда-сюда... Обыскали всю келию. Никуда не выходили, ничего не делали, а молотка нет. Как же так? Вот искушение! Ну, просто недоумеваем: куда же он мог деться? Так и не нашли его. Потом уже, примерно через неделю, покатилась от келии вниз крышка с кастрюли – туда, куда мы выбрасывали мусор. Полез я за этой крышкой, смотрю, а там лежит наш деревянный молоток. Враг его туда забросил, потому что ни я, ни Давид туда его, конечно, не стали бы бросать, а сам скатиться он не мог. И мы тогда увидели, что враг работает сильно, и начали относиться еще более тщательно к делу духовной брани, не допуская обвинения друг друга в случающихся искушениях.

Вопрос: *Неужели прямо вот так взял бес и сам забросил? А может, молоток действительно скатился сам. Или, может, нечаянно с каким-нибудь хламом выбросили, не заметив. Или зверек какой-то затащил... Ну, зачем сразу делать сугубо мистический вывод?*

Ответ: Сам молоток никак скатиться не мог, потому что это – прямоугольный брусок с большой ручкой. Такой, если и специально толкнуть – не покатится. И никакой зверек (соня или крыса) утащить его туда по размерам и тяжести не смог бы. А насчет того, что «выбросили нечаянно с хламом»,

надо сказать, что мусорка возле пустынной кельи вовсе не похожа на городскую, куда выбрасывают все подряд. Мы даже рваной калоши не выбрасываем, т.к. она может понадобиться еще куда-то – или на прокладку под гвозди, или на растопку. Тем паче не могли мы выбросить деревянный молоток. Этот случай только в городе кажется почему-то сугубо мистическим, а в пустынной келье это не в диковинку. Там четко понимаешь, что наша брань идет не против плоти и крови, а против духов злобы поднебесных, которые роятся вокруг нас, как мухи, и устраивают различные козни – в особенности, чтобы разорить мир и любовь между единомысленными душами.

Вопрос: *А что, еще какие-то подобные «мистические» случаи происходили?*

Ответ: Конечно. Ну, к примеру, был такой случай. Недалеко друг от друга жили два брата, причем они нуждались во взаимопомощи, но враг так сделал, что один другого начал подозревать в злонамеренности. Началось с того, что у одного из них пропали четки. Кто их взял? Никого нет, кто бы их мог взять. Значит, только сосед украл. Потом не может найти рамочного ножа, которым обрезают запечатанные пчелиные рамки перед выкачкой меда. «Ну куда он мог деваться? Везде обыскал... Точно этот вор стянул!» Потом еще чего-то не стало... потом еще... А в итоге: «Сосед-ворюга украл – и все!» И монах уверен, что он прав...

Когда пришлось случайно эти «доводы» услышать – я просто в ужас пришел. Говорю:

– Отец, да это же бес «шутит»!

– Какой бес?! Бесы всегда существовали, но раньше-то ведь такого не случалось – пока этого ворюги здесь не было!

Если не случалось такого – случалось другое. Бесы не столь глупы, чтобы искушать свою жертву постоянно одним и тем же приемом, у них почти 8-тысячелетний опыт борьбы с людьми. А вот люди, к сожалению, зачастую по невнимательности, самонадеянности или склонности к каким-либо страстям (например, самооправданию) этого недооценивают, потому и попадаются в их ловушки.

А бывает, подсовывает бес какое-нибудь «музыкальное» искушение. Например, шумит река, а монаху слышится, будто эстрадная музыка играет. И он начинает подозревать, что это его сосед-собрат купил радиоприемник и включает музыку, чтобы вынудить его уйти с того места. Ропщет: «Ну, надо же, безсовестный – крутит музыку, чтобы мне не давать молиться!» А оклеветанного брата враг разжигает на ответное возмущение: «Что он за монах такой – так на меня клевещет?!»

Вот такими разными «приемами» бесы стараются расстроить душевный мир и братскую любовь. И особенно эти нападки усиливаются в уединении. Ведь не напрасно сказали святые отцы, что в монастыре приходится бороться с демонами как с кошкой, а в пустыне – как со львом. И это действительно так.

Но вообще, надо сказать, что эта брань идет везде: и в пустыне, и в монастыре, и в миру. Потому просто нужно настроиться на то, что ВЕЗДЕ нужно бороться против мира, плоти и диавола и не впадать в малодушие при встречающихся искушениях. Нужно лишь молиться и надеяться на помощь Божию.

И еще важно для понимания всего происходящего вокруг нас помнить предсказание преподобного Нила Афонского Мироточивого о том, что в последнее время между христианами диавол будет устраивать «всеобщее злое обособление, всеобщее злое разъединение, а согласие будет составляться только на зло [т.е. на сотворение зла]». И это разделение, как видим, уже осуществляется и в храмах (церковных приходах), и в монастырях, и в семьях. Так что будем внимательны, чтобы не увязнуть в эти всё умножающиеся вражии сети.

Письмо утешения

...Я был одинок в чужой стране: ни семьи, ни друга, и мне казалось, что я покинут и забыт всеми людьми. Вокруг была пустота и не было любви: далекий город, чужие люди, черствые сердца. И вот, в тоске и унынии, я вспомнил о пачке старых писем, которую мне удалось сберечь через все испытания наших черных дней. Я достал ее из чемодана и нашел это письмо. Это было письмо моей покойной матери, написанное двадцать семь лет тому назад. Какое счастье, что я вспомнил о нем! Пересказать его невозможно, его надо привести целиком.

«Дорогое дитя мое, Николенька. Ты жалуешься мне на свое одиночество, и если бы ты только знал, как грустно и больно мне от твоих слов. С какой радостью я бы приехала к тебе и убедила бы тебя, что ты не одинок и не можешь быть одиноким. Но ты знаешь, я не могу покинуть папу, он очень страдает, и мой уход может понадобиться ему каждую минуту. А тебе надо готовиться к экзаменам и кончать университет.. Ну, дай я хоть расскажу тебе, почему я никогда не чувствую одиночество.

Видишь ли ты, человек одинок тогда, когда он никого не любит. Потому что любовь вроде нити, привязывающей нас к любимому человеку. Так ведь мы и букет делаем. Люди — это цветы, а цветы в букете не могут быть одинокими. И если только цветок распустится как следует и начнет благоухать, садовник и возьмет его в букет.

Так и с нами, людьми. Кто любит, у того сердце цветет и благоухает; и он дарит свою любовь совсем так, как цветок свой запах. Но тогда он и не одинок, потому что сердце его у того, кого он любит: он думает о нем, заботится о нем, радуется его радостью и страдает его страданиями. У него и времени нет, чтобы почувствовать себя одиноким или размышлять о том, одинок он или нет. В любви человек забывает

себя; он живет с другими, он живет в других. А это и есть счастье.

Я уж вижу твои спрашивающие голубые глаза и слышу твое тихое возражение, что ведь это только полсчастья, что целое счастье не в том только, чтобы любить, но и в том, чтобы тебя любили. Но есть маленькая тайна, которую я тебе на ушко скажу: кто действительно любит, тот не запрашивает и не скупится. Нельзя постоянно рассчитывать и выспрашивать: а что мне принесет моя любовь? а ждет ли меня взаимность? а может быть, я люблю больше, а меня любят меньше? да и стоит ли мне отдаваться этой любви?.. Все это неверно и ненужно; все это означает, что любви еще нету (не родилась), или уже нету (умерла). Это осторожное примеривание и взвешивание прерывает живую струю любви, текущую из сердца, и задерживает ее. Человек, который меряет и вешает, не любит. Тогда вокруг него образуется пустота, не проникнутая и не согретая лучами его сердца, и другие люди тотчас же это чувствуют. Они чувствуют, что вокруг него пусто, холодно и жестко, отвертываются от него и не ждут от него тепла. Это его еще более расхолаживает, и вот он сидит в полном одиночестве, обойденный и несчастный...

Нет, мой милый, надо, чтобы любовь свободно струилась из сердца, и не надо тревожиться о взаимности. Надо будить людей своей любовью, надо любить их и этим звать их к любви. Любить — это не полсчастья, а целое счастье. Только признай это, и начнутся вокруг тебя чудеса. Отдайся потоку своего сердца, отпусти свою любовь на свободу, пусть лучи ее светятся и греют во все стороны. Тогда ты скоро почувствуешь, что к тебе отовсюду текут струи ответной любви. Почему? Потому что твоя непосредственная, преднамеренная доброта, твоя непрерывная и бескорыстная любовь будет незаметно вызывать в людях доброту и любовь.

И тогда ты испытаешь этот ответный, обратный поток не как «полное счастье», которого ты требовал и добивался, а как незаслуженное земное блаженство, в котором твое сердце будет увесть и радоваться.

Николенька, дитя мое. Подумай об этом и вспомни мои слова, как только ты почувствуешь себя опять одиноким. Особенно тогда, когда меня не будет на земле. И будь спокоен и благонадежен, потому что Господь — наш садовник, а наши сердца — цветы в Его саду.

Мы оба нежно обнимаем тебя, папа и я.

Твоя мама

Спасибо тебе, мама! Спасибо тебе за любовь и за утешение. Знаешь, я всегда дочитываю твое письмо со слезами на глазах. И тогда, только я дочитал его, как ударили ко всенощной. О, незаслуженное земное блаженство!

И. ИЛЬИН

История Иоанно-Казанского Сезеновского монастыря

Часть 1

Иоанно-Казанский монастырь в селе Сезеново (ныне Лебедянского района Липецкой области) возник в середине XIX столетия попечением и молитвами подвизавшегося близ здешней церкви, и здесь же опочившего человека Божия — затворника Сезеновского Иоанна. Во дни земного жития он немало почерпнул из духовного источника, обильно источающего струи благодатные в стенах Задонского Богородицкого монастыря.

Блаженный муж этот, от лет младых возлюбивший молитву и служение Господу превыше всего, будучи из крепостных, немало за то претерпел от своего помещика. И в конце концов вынужден был тайно оставить родное село. На 26-м году жизни своей он появился в Воронеже, где был известен под именем «глухонемого Симеона», но пробыл там недолго. Один благочестивый воронежский купец, Петр Михайлович Плетнев, раздавший все имение свое нищим и посвятивший себя на служение Богу делами милосердия, узнав о рабе Божием, приютил его у себя и затем привез Иоанна в 1816 году в Задонск. Здесь блаженный проживал частью в страннопримном доме Задонского Богородицкого монастыря, частью — у священника Алексия.

Летом и зимой ходил Иоанн босой и полунагой, ветхим и разорванным рубищем едва прикрывая свое изможденное постом тело. Здесь он совершал свои тайные подвиги, но некоторые из иноков Задонского Богородицкого монастыря познали в нем истинного раба Божия и почитали его, почерпая уроки мудрости духовной в отрывочных и вроде бы малопонятных речах несущего крест юродства. Особенным расположением пользовался Иоанн у старца обители — иеросхимонаха Агапита (Болховитинова), духовного наставника иноков и мирян, а также иеромонаха Анатолия, к которым и сам питал доверие, часто проживая в их кельях по несколько дней.

Когда преосвященный Епифаний (Канивецкий), новопоставленный епископ Воронежский, удостоил своим посещением Задонскую обитель, архипастырь пожелал видеть Иоанна, о духовной жизни которого он был уже наслышан.

И вот юродивый, прыгая и кривляясь, предстал пред архиереем и одним кратким шуточным словом ответил на сокровенный его помысел,

который тот никак не думал обнаружить перед другими. Владыка понял намерение Иоанна отклонить от себя славу, признал Задонского юродивого за истинного раба Божия и удостоверял потом, что видел в нем обильное присутствие Божией благодати. Он благословил Иоанна и посоветовал ему посвятить себя на более высокий подвиг духовный, чуждый молвы и суеты мирской.

И из Задонска, сопровождаемый старицей Дарией Димитриевной Кутуковой, приехавшей на богомолье в Богородицкую обитель, отбыл Иоанн к месту, которое судил ему Господь для спасения. Божиим промыслом и благословением затворника Троекуровского Илариона (Фокина) блаженный Иоанн прибыл в имение князей Несвицких — село Сезеново, где и обосновался в специально устроенной для него келье близ церкви во имя Казанской иконы Божией Матери.

Многое претерпев, многое же он и приобрел, так что спустя несколько лет рассказы о скромном подвижнике, исполненном благодати, уже влекли в Сезеново паломников. Иные из них, благочестивые старицы и девицы, по примеру жившей с 1828 года при затворнике старицы Дарии Дмитриевны, оставались в селе, строя и себе келейки близ церковной ограды. Пришедшая сюда первой боголюбивая Дария Димитриевна при жизни затворника служила посредницей между Иоанном и другими его учениками и как бы настоятельствовала над ними примером своим в трудах и послушании рабу Божию, направлявшему их в страхе Божием по трудной и тесной стезе подвижничества.

Так постепенно закладывались начала будущего монастыря, о созидании коего не раз пророчествовал то явно, то прикровенно блаженный Иоанн.

Рассказывают, что однажды, задолго до первых шагов к построению обители Сезеновской, затворник начал просить владелицу села Сезеново, княжну Несвицкую, уступить ему одну дикую яблоню с корнем, росшую довольно далеко от его кельи. Княжна вместо этого предлагала прислать ему «молодых привив-

Блаженный затворник Иоанн, молящийся пред своей кельей в с. Сезеново

ков», считая, что они лучше подойдут для садика, разбитого Иоанном при келье, но затворник стоял на своем и просил именно дикую яблоню, на которую указывал издали. Впоследствии, когда уже было положено начало Сезеновской обители, на земле, пожертвованной княжной Несвицкой, стали строить монастырскую ограду, в черту ее вошла и вышеупомянутая дикая яблоня. Тогда княжна и вспомнила непонятную до того просьбу затворника об уступке ему этой яблони и узнала ее настоящий смысл.

О будущем монастыре не раз говорил затворник и своему верному помощнику — крестьянину Ивану Бирюкову. Однажды затворник взял его с собой в лес, где заставил Бирюкова вырубить и заострить кол. Затем они подошли к ограде гумна причетника Василия Алексеевича. Здесь затворник благословил Бирюкову положить три поклона, раскопать земляной вал у ограды, и сперва сам тремя ударами всадил заостренный кол в землю, а потом попросил Бирюкова поглубже его вбить.

— Знаешь ли, что будет здесь? Тут выстроится колокольня, и здешний колокол будет слышен по всей России.

— Едва ли, батюшка, — заметил простодушный крестьянин, — здесь не слыхать даже московских колоколов, а они известны всюду по величине и по звону.

— Маловер ты, Иван, — отвечал затворник, — и не понимаешь смысла моих слов.

Дойдя до того места, где впоследствии была устроена трапезная, Иоанн приказал вбить кол, сказав: «Тут будет наша граница, и это будет наша земля», — присовокупил он, указывая далее по прямому направлению. В это время над ними поднялась стая галок и они начали кричать. На вопрос Бирюкова, что бы это значило, Иоанн сказал: «Скоро здесь будет столько галок, что не сочтешь». При этом он заметил: «Здесь будет и Иерусалим, и Афон, и Киев. Будут у нас и священники из дворян».

Все эти предсказания затворника впоследствии сбылись. Под словом «колокольня» надо было понимать будущий монастырь. Колоколом он называл себя, так как слава его распространилась по всей Руси. В Сезеновском монастыре хранились частицы мощей святых угодников Божиих и святые иконы из Киева и Афона. Кроме того, в монастыре совершалось такое же благолепное служение, какое было учреждено в Киеве, на Афоне и в Иерусалиме. Княжна Несвицкая (после смерти князя ей стала принадлежать вся здешняя земля), действительно уступила ее монастырю в тех границах, которые раньше были очерчены Иоанном.

Иоанн предсказал будущее служение в Сезеново сыну священника Иоанна Кирилловича Болховитинова, священствовавшего в селе Павловское Лебедянского уезда.

Затворник любил и уважал отца Иоанна как мужа высокой жизни и часто встречался с ним для духовных бесед. Священник также почитал Иоанна как подвижника и присланный ему с черничками посох хранил как святыню. Сын священника Александр в то время был малолетним. Впоследствии он был отдан в духовную семинарию, которую окончил с большим успехом и был рукоположен во священника. Отец его при этом, будучи уже стариком и не зная, чем выразить свою радость, забыв о приказании затворника беречь переданный посох, благословил им своего сына. Александр хранил посох как драгоценный подарок, а в 1858 году, через 13 лет своего священства, он, безо всякой просьбы со своей стороны, по распоряжению епископа Тамбовского Макария (Булгакова) был переведен в село Сезеново. Впоследствии отец Александр был назначен благочинным Сезеновского Лебедянского округа, стяжал большое уважение духовенства и паствы и за ревностное служение был удостоен ордена св. Анны III степени, а вместе с тем и дворянского звания. Так сбылось предсказание затворника о том, что в монастыре будут служить священники из дворян.

Во исполнение замысла об основании монастыря в 1838 году, за год до своей смерти, Иоанн испросил через своих благодетелей благословение и разрешение тогдашнего архипастыря Тамбовского, епископа Арсения (Москвина), построить вместо ветхой Казанской Сезеновской церкви новый каменный семипрестольный храм.

Затворник послал Гликерию Васильеву, одну из будущих сезеновских монахинь, за планом к владыке Арсению. Блаженный Иоанн, ходатайствуя о дозволении на созидание храма, предлагал пред правящим архиереем в поручители успешному совершению строительства Пресвятую Богородицу и святителя Николая, на которых возлагал все свое упование.

Епархиальное начальство не стало возражать против благого начинания. И 8 сентября 1838 года, в праздник Рождества Богоматери, был заложен новый храм. Затворник лично своею тяжелой железной палкой размерил его основание, а также пространство, которое должно было войти в церковную ограду, и на местах, предназначенных для престолов, водрузил деревянные кресты.

Блаженный Иоанн устанавливает деревянные кресты, обозначая место будущего храма

При этом место, избранное Иоанном для возведения храма, было не совсем удобно. Подрядчик и прихожане просили блаженного поставить храм повыше, на местности более ровной, но затворник этому воспротивился, говоря: «Если поставите его там, то и в двадцать лет не построите, а на этом месте — в три года окончите».

Положив основание строительству, но не имея ни средств, ни материалов для сооружения задуманного храма, затворник не унывал. Он не таил уже ни перед кем, что дело это не его, а Божие, почему и должно совершиться помимо всех к тому препятствий. Велика была его вера в помощь споручников в построении храма — Божией Матери и Чудотворца Николая, и вера эта вскоре оправдалась чудесным началом этого дела. Подрядчик требовал денежного задатка и материала для работ: ни того, ни другого не имелось. «Подожди до завтра, — говорил ему с уверенностью подвижник, — Матерь Божия и святитель Николай все нам пошлют». Действительно, утром следующего дня множество подвод прибыло в Сезеново с бутовым камнем, кирпичом, известью, лесными материалами и даже с мукой и крупой для продовольствия рабочих. Все это прислано было оставшимся неизвестным жертвователем. И в тот же день один богатый помещик, также сокрывший свое имя, посетил затворника, вручив ему на строительство храма 500 рублей.

Таким образом, начало работ было обезпечено, материал готов, подрядчик, увидев с изумлением, что предсказание Иоанна сбылось полностью, получив приличный по сумме задаток, с верой и усердием немедленно приступил к делу. Вырыты были рвы для фундамента стен, забутованы, и в десять дней цоколь сделан был по самые окна. Скорой и успешной работе своей дивились сами рабочие, говоря, что в иное время на производство подобной работы потребовалось бы не менее сорока дней, а они окончили ее в десять, что приписывали молитвенному содействию подвижника Божия.

Окончить строительство храма Иоанн поручил своей присной ученице Дарии Димитриевне и хотя не говорил ей ясно о приближении своей кончины, но неоднократно напоминал, что после него она должна взять на себя попечение как об окончании строительства храма Божия, так и об утверждении и распространении при нем строгого иноческого общежития.

И действительно, Иоанну не суждено было видеть окончание своих трудов. Положив прочное основание строительству, он скоро сам возлег на вечный покой вблизи храма, как один из краеугольных камней иноческой обители, возникшей после него, но по предсказанию и предначертанию его. Заключившись в затворнической своей келье, подвижник скончался в ней мирно 14 декабря 1839 года, прожив 48 лет 5 месяцев и 20 дней, из которых почти 22 года провел в строгом затворе.

По материалам книги «Сезеново и его подвижники». Тамбов, 2007.

ОПТИНСКИЙ СТАРЕЦ

Жизнеописание схимонаха Иоасафа (Моисеева)

Часть 2

Постриг

Постригали батюшку в мантию на Оптинском подворье в Москве в 1925 году, на Благовещение. При постриге он получил имя Иосиф, в честь святого Иосифа-песнописца. По традиции новопостриженный монах должен пять дней пребывать в храме, но по случаю смерти Святейшего Патриарха Тихона батюшку перевели с подворья Оптиной пустыни в Донской монастырь. Тут он получил послушание: стоять с патриаршим крестом при гробе почившего святителя. У гроба Патриарха батюшке было видение, которое он помнил всю свою жизнь: вдруг отверзлось небо, и он увидел восходящего на небеса Святейшего Патриарха Тихона и убиенную Царскую семью. Это видение произвело на него очень глубокое действие, и он всегда его помнил.

Аресты и лагеря

По окончании срока принудительных работ отец Иосиф, уже как монах, был лишен гражданских прав и отправлен по месту жительства родителей, в поселок Митинского завода. Около двух лет он провел в родном доме, а затем в начале 1928 года, к своему счастью, устроился певчим в один из храмов ликвидированного московского Даниловского монастыря, который к тому времени существовал как приходской. Но эта радость оказалась весьма непродолжительной. В 1930 году власти окончательно закрыли обитель, и отцу Иосифу пришлось вернуться обратно в поселок Митинский.

В отцовском доме гонимый монах, лишенный возможности наравне с другими полноправными гражданами зарабатывать себе на хлеб законным путем, занимался кустарной работой: брал у сельчан в починку швейные машинки, часы, металлическую посуду и прочие предметы быта. Вскоре у слесарного мастера, быстро приобретшего в округе известность своей исполнительностью и добросовестностью, образовался излишек материальных средств. На деньги, заработанные кустарным промыслом, отец Иосиф изготовил станок для производства церковных свечей и стал снабжать ими окрестные храмы. Эта нелегальная помощь отца Иосифа приходам, испытывавшим в те времена острую нужду в свечном товаре, стала известна органам власти. 14 августа 1936 года он был арестован и 21 сентября того же года осужден народным судом Черепетского района Московской области по 99-й статье УК РСФСР на один год исправительных работ.

По окончании срока отец Иосиф вернулся к себе домой. Пребывание его на свободе было весьма недолгим. Надвигалась волна репрессий 1937-1938 годов, уничтожившая практически все духовенство Русской Православной Церкви. 4 октября 1937 года отец Иосиф был арестован вторично по 58-й статье УК РСФСР за антисоветскую деятельность. Через пять дней, 9 октября, он был вызван на допрос, на котором ему было предъявлено стандартное обвинение в антисоветской агитации, а также в организации нелегального собрания с целью сбора средств для ходатайства об открытии местной церкви. Арестованный отверг все возводимые на него обвинения и отказался признать себя виновным в контрреволюционной агитации, не оговорив при этом никого из тех, кого знал. 19 октября 1937 года решением Тройки при Управлении НКВД по Тульской области монах Иосиф, в миру Моисеев Петр Борисович, был приговорен к 10 годам лишения свободы с отбыванием срока наказания в исправительно-трудовом лагере. На следующий день он был отправлен в Ярославскую область, в местность, где находился Волголаг. Во время заключения он проживал на лагерном пункте Морозиха и использовался в лагере в качестве лесоруба. Льгот, поощрений и взысканий за период отбывания срока наказания заключенный Моисеев Петр Борисович не имел.

Несомненно, что тот призыв в армию, который произошел с отцом Иосифом в 1910 году и который он тогда переживал как глубокую душевную драму, оказался впоследствии для него промыслительным и спас ему жизнь в годы гонений. Если бы послушник Петр Моисеев остался в те годы в обители, то к революции был бы уже в сане священнослужителя. И тогда во время так называемого «большого террора» в 1937-1938 годах непременно оказался бы в числе расстрелянных. А так как он не являлся в тот период почти поголовного истребления духовенства ни священником, ни диаконом, то и получил по этой причине другую меру «социальной защиты» – 10 лет исправительно-трудового лагеря.

Келейница отца Иоасафа вспоминает: «Монахи после закрытия монастыря возле Оптиной

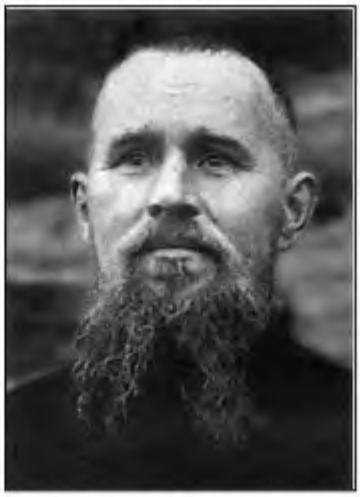
скитаться начали. В Козельске селились, в Мичуринске селились... Отец Иосиф у мать Серафимы (Белоусовой) сначала жил, потом у другой монашки. И вот вскоре их начали забирать. Собрали со всех мест. Батюшку арестовали, а вместе с ним забирают отца Севастиана (Карагандинского, который сейчас во святых), иеромонаха Рафаила, схиигумена Петра (Драчева), схиархимандрита Мелетия, который отца Иосифа при постриге принимал. (Он в Козельске потом схоронен был, на кладбище.) И других монахов.

Присудили батюшке 10 лет лагерей. Когда он первый срок сидел, то работал на лесоповале. Работал с уголовниками, грязными людьми, они издевались над ним, били его. Одному как-то стал помогать, а он его как ударит в щеку. В Евангелии написано, что если в одну дали, так другую подставляй. Батюшка и говорит: "Ну что ж, давай и в другую". Тот и второй раз ударил. И батюшка упал, лежал без памяти. Вот с такими людьми работал...

Он отказывался на других доносить. Некоторые соглашались, так как обещали за это отпустить побыстрей. Но батюшка знал, что доносить – это занятие диавольское. Его еще в камеру когда сажали, то к нему подсадили одного молодого, тоже верующего. Разговорились. "Я вот за что, а ты за что?" – "Да я вот за что". А сам его так обнимает, как будто рад, что встретил. Но батюшке о нем открыто было: глянул на него и увидел его в змеином облике. Сам даже удивился. "Да что же это такое, – говорит, – чего это я тебя таким вижу?" Тогда его товарища перевели в другую камеру».

Непосильный лагерный труд, жестокие условия содержания заключенных довольно скоро истощили силы оптинского монаха: через пять с небольшим лет пребывания в лагере, 19 января 1943 года, отец Иосиф по причине серьезного ухудшения здоровья был актирован из Волголага. По освобождении ему было предоставлено право проживания в Брейтовском районе Ярославской области. Три года провел на свободе отец Иосиф. Этот период был для него временем краткой передышки и накопления сил для перенесения очередного испытания: третьего, последнего срока заключения.

29 января 1946 года отец Иосиф по решению следственного отдела КГБ по Ярославской области был подвергнут очередному,



Монах Иосиф (Моисеев) в тюрме

третьему в своей жизни, аресту и препровожден в тюрьму г. Ярославля. Основная причина, по которой он вновь оказался привлеченным к ответственности, заключалась в том, что пребывание в Волголаге нисколько не изменило его религиозных убеждений. Вернувшись на свободу, отец Иосиф незамедлительно возобновил свою церковную деятельность, почему и был назван в донесении оперуполномоченного «активным церковником».

Чтобы иметь возможность участвовать в богослужении, он, невзирая на запрет властей покидать пределы Ярославской области, уходил в храмы Калининской области, а именно: в Чаморовскую, Дубровскую, Николо Реня и Титовскую церкви. В последней отец Иосиф даже некоторое время служил псаломщиком. Таким образом, лагеря не привнесли никаких изменений в жизненную позицию отца Иосифа. Оказавшись на свободе, он не только продолжал держаться церковного образа жизни, но и старался по мере возможности, с риском вновь оказаться за решеткой, принимать участие в богослужении. Именно за это он и был арестован в 1946-м году, разделив тем самым участь тех репрессированных в эти годы христиан, которые по окончании срока, полученного в 1937 году, и по возвращении на свободу, не пожелали «вписаться» в обычную трудовую жизнь советского общества. Власти рассчитывали, что все те, кто в 1937-1938 годах, по тем или иным причинам избежав расстрела, получили 10-летний срок за веру во Христа, непременно изменят свои взгляды после прохождения суровой и безчеловечной лагерной «обработки». Но среди выпущенных на свободу оказались и такие, кто сохранил прежний образ жизни. Они-то и подвергались в послевоенные годы повторным арестам и высылкам.

По рассказам схимонахини Николаи:

«Когда батюшку после первого срока выпустили, то он у монашки одной на квартире остановился. А видать, нельзя ему было тут селиться. Но куда ему деваться? Устроился псаломщиком в церкви. Прослужил, может, месяц какой-нибудь, и его опять арестовали. Племянница монахини, у которой он поселился, с простоты пришла в сельсовет и говорит: "Какой монах красивый пришел из заключения". "Какой такой монах?" – спрашивают. "Да у тетушки у моей, у крестной, на квартире", – отвечает. Хоть вот и с простоты, а вот так она его и предала. И все – после этого его забрали сразу. Идет он по деревне, а навстречу ему едут на двух конях. Батюшка говорит: "Это за мной". Подъезжают, и один спрашивает: "Фамилия?" Он говорит: "Моисеев Петр Борисович". И прибавил: "Эх, какая ловля-то у вас". Завезли его, куда следует, и говорят: "Распишись, что ты против колхозов". А он отвечает: "А что это такое? Не имею представления". Тогда начали его бить, сломали ему два пальца, чтоб расписался. Но он все равно свое: "Не буду расписываться. Как веровал, так и верую, как молился, так и буду молиться, я монах, а вы, как хотите, так и поступайте. Надо вам – сажайте. Зачем вы какую-то роспись требуете? Я не знаю, чего вы тут подпи-

сывать заставляете". И не расписался. Тогда его увезли и еще 10 лет дали».

Следствие по делу Моисеева Петра Борисовича продолжалось в течение двух месяцев. Вместе с ним арестовали еще четверых человек, но троих потом отпустили. В ходе дознания арестованный Моисеев подвергся трем допросам и нескольким очным ставкам. Его обвиняли и изобличали в антиколхозной агитации и клевете на материальное положение советских граждан. Ни на следствии, ни на суде отец Иосиф виновным себя в предъявленном обвинении не признал и категорически отверг все показания лжесвидетелей, трое из которых оказались подсаженными в его камеру провокаторами. 20 мая 1946 года судебная коллегия по уголовным делам Ярославского областного суда приговорила Моисеева Петра Борисовича к 10 годам лишения свободы.

– Вторые 10 лет были полегче, чем первые, – рассказывает келейница оптинского старца. – У батюшки в этот раз на зоне была своя кузница. Он очень по железкам был мастер. Мог и часы, например, наладить. В Митином заводе, где он в детстве жил, там все по железкам работали. И отец его там работал. Он, видать, возле отца крутился и многому от него научился. Лагерное начальство его любило за то, что он умел все делать. Одному начальнику даже пуговицы выковал. Начальник ему говорит: «Если бы меня перевели, я бы тебя с собой взял. Больно ты деловой». А когда лишился части зубов, то вставные зубы себе сделал. После этого его многие зэки стали просить, чтобы он и им такие же сделал. А начальник ему говорит: «Моисеев, в миру и то это не положено, ты чего выдумал-то?» Батюшка отвечает: «Начальничек, ведь хлебушка-то охота». Заключенные чего-нибудь ему давали за работу. «Брось, – начальник говорит, – а то тебе еще тут прибавят». Но ничего, обошлось. Два раза даже за этот второй срок батюшка причаститься смог. Однажды в женской зоне его попросили починить швейную машинку. Он пришел, сидит делает, а во время работы вдруг замечает необыкновенный свет из-под подушки, благоухание. Заключенная приходит, это монашка была, а он ее спрашивает: «Скажи, что у тебя под подушкой? Я вижу неземное, необыкновенное, я вижу свет». Та сначала очень испугалась, а потом открылась и передала ему частицу Даров, которые и были спрятаны под подушкой. И отец Иосиф причастился первый раз за многие годы. Еще однажды они договорились, что батюшка, у которого срок к концу подходил, когда выйдет, то пришлет ему частичку Даров. Тот батюшка, вышедши на свободу, прислал частичку, и все дошло благополучно. Он ее спрятал в хлебе, а хлеб в посылку положил.

Крест на батюшке всегда был, он его прятал. Как куда-нибудь перегоняют – обязательно обыск, при котором крестики нательные отбирали. Но заключенные все равно делали кресты, из палочек или из чего-нибудь другого. Как-то их перегоняли, а батюшка думает: «Как бы крестик спасти?» И вдруг слышит голос: «Не ты Меня спасаешь, а Я тебя. И еще спасу». И правда, при обыске он крестик в ладони зажал. Руку одну раскрыл, а вторую не сказали раскрыть. В ней-то и был крест. Так он у него и сохранился. Этот серебряный старинный крест сейчас у меня находится. Батюшка когда умирал, то мне его завещал.

О том, как складывалась дальнейшая жизнь отца Иосифа, можно судить по сведениям, которые сообщила его келейница.

После освобождения

В 1954 году отец Иосиф был освобожден из заключения. Он приехал в г. Мичуринск к матери Серафиме (Белоусовой), которая всегда ездила в Оптину и его знала еще по монастырю. Ему больше некуда было ехать. На родине его боялись принять, а монастырь был закрыт. И вот мне сообщают, чтобы я приехала к матери Серафиме. Монахиня Серафима была моя духовная мать, она благословила меня на иночество. Когда отец Иосиф еще в заключении был, мать Серафима мне говорила: «Маша, должен скоро приехать батюшка из заключения, он особенный. Тогда я тебя позову».

Вот я приехала и вижу батюшку. В подарок ему я привезла параман и купила палочку. Он взял эту палочку и сказал: «Придется мне на эту палочку опереться».

И вот сели мы обедать. Матушка Серафима у станции жила, и двери всегда закрыты у нее были, чтоб чужие не ходили. Я сижу за столом, батюшка – напротив. И вдруг в закрытых дверях явилась Странница. Такая приятная. А у меня сердце возрадовалось, не передать как. К мать Серафиме всегда какие-нибудь побирушки ходили, а эта особенная какая-то. И Она говорит: «Я прямо не знала, что здесь такие гости-то хорошие будут, а то Я вся в пыли». И вроде так отряхивается. И прямо около меня села и говорит: «Драгоценная Моя, возьми Моего вот этого драгоценного». И показывает на батюшку. Я говорю: «Да он не пойдет». Тогда Она отвечает: «А Я прикажу. Ты будешь только числиться, а так Я буду вас опекать. Всем обеспечу». А он слышит, батюшка-то. И Ей после этого отвечает: «Матушка, будь мне матерью». Вроде как не хочет ко мне идти. А Она на него строго так посмотрела: «Разве Я не была тебе Матерью в заключении? Тебе трудно было, а Я тебе помогала. Я к тебе приходила не раз». Потом Она стала собираться и сказала: «Батюшка, Я тебя благословляю к Моей драгоценной перехо-

дить, будешь у ней жить». И Она уходит. «Мне нужно еще проведать, – говорит и на тюрьму рукой показывает. – Ведь Я туда каждый раз хожу. А в некоторые камеры Я не вхожу. И надо зайти, человек нуждается, но из-за других, кто с ним вместе сидит, Я не могу. Тогда Я возле двери постою». Ну вот, Она и уходит. Я выхожу Ее провожать из дома. И когда вышла я ее провожать, Она мне начала все передавать из рук в руки: и хлебушка, и конфеточек, и сахарку, и повидла. И угольки, такие небольшие кусочки. А уголь я как-то не беру. Если во сне увидишь уголь, то это к тяжестям. Это такое простонародное поверье есть. А Она-то мысли мои «читает» да и успокаивает меня: «Да это Я даю топочку». Ну, тогда я взяла. И Она отошла от меня немножко, но не уходит совсем и так даже приказывает мне: «Не обижай Моего драгоценного». В лицо я как-то не могла на Нее глядеть, а вижу только облик. Среднего Она роста, обыкновенно одета, все на Ней, я бы даже сказала, ветхое такое. Я думаю: «Наверное, надо Ей поклониться. Она ждет от меня этого». А на меня внезапный страх напал. Думаю: «Сейчас заберут». Ведь за поклоны-то при людях могли и забрать тогда. Странно: когда жила с батюшкой, ведь я ничего не боялась, на все шла. Когда его брала к себе, так готова была к тому, что меня посадят. И ничего, страху не было. А в этот момент испугалась. Но я Ей все равно поклонилась, а когда распрямилась, Ее уже и нет.

Устройство кельи

И вот поехала я домой, в Грязи, где мы жили, а отец Иосиф остался у матушки Серафимы. Стала я искать квартиру, а маме пока ничего не сказала. 10 квартир нашла, но ни к какой квартире не была расположена. Сердце почему-то сжимается. Вроде нашла одну, а сердце все равно сжато. А потом узнала, что в ней через стенку милиционер живет. Вскоре нашла, но не квартиру, а времянку. Она как раз напротив нашего дома была. Стала договариваться, чтобы батюшке там жить. Хозяин подумал и говорит: «Если хорошие люди будут тут жить, так мы ее и продадим». Я сразу и говорю: «Мы купим». Тогда я собралась поехать к матушке Серафиме, чтобы посоветоваться с ней насчет времянки. Но только не доехала, так как Странница опять ко мне пришла и говорит: «Драгоценная моя, не селитесь у чужих. Переходите на огород ваш, переносите туда времянку и стройте из нее келью. Я туда вас благословляю». И откуда-то кружка воды у Нее в руках. Она говорит: «А Меня искупай». Такое слово сказала. И вот я, значит, открыла Ей воротничок и вылила эту кружку воды, но воды нигде не видала. Тогда Она мне говорит: «Ну вот, а теперь ты можешь находиться с батюшкой». Как будто Она отняла от меня что-то дурное.

Вот батюшка приехал из Мичуринска. В декабре месяце это было. Сильная метель на улице, сугробы намело. Глянула я из окна на улицу, вижу, кто-то идет, сгорбившись, в шапочке. И такая меня жалость взяла. Я как по этим сугробам побежала. Падаю, поднимаюсь, бегу. Подбежала, а он говорит: «Я чую, что это ко мне». Так рад был. Всегда помнил про то, как я его тогда встретила. Когда, бывало, допеку его своим непослушанием, он мне скажет: «Ну я б такую дуру прогнал бы. Кто тебя воспитывал? Ведь это подумать надо, приведи мать, я у нее спрошу, как она тебя воспитывала». Потом помолчит и прибавит: «Нет, как вспомню, как ты тогда меня встретила, все тебе прощаю...»

Прошло немного времени, и принялись мы времянку переносить. Но куда там. Батюшка слабенький, ведь двадцать два года в лагерях провел. Тогда старушка одна, соседка наша, пошла по домам на нашей улице и говорит людям: «Тут Маше перенести надо времянку, не поможете?» И представьте себе, по одному человеку из каждого дома вышли, даже одна женщина на работу ходила отпрашиваться, чтобы поучаствовать. Так в один час все перенесли. Хозяин времянки в это время уехал покупать железо, а хозяйка его пошла на базар. И в этот момент мы все перенесли. Приехал хозяин, как глянул – нет времянки, а хозяйка стоит и плачет. Я говорю: «Шура, о чем ты плачешь?» «Я ее, – отвечает, – своими руками строила. Как вы быстро все». Я ее успокаиваю: «Ну что ж, мы ведь вам деньги оставили, будешь теперь помидоры сажать на этой территории».

Вот времянку перенесли, потом стали место на огороде для нее подбирать. А у меня же еще брат, мама, ну и я с батюшкой. Четверо, значит, всех нас. Стали думать, где ее ставить, и заспорили. Батюшка хочет куда-то подальше от дома, мама – рядышком, я – по-своему, брат – иначе. Каждый на своем стоит. Я легла на кровать да за голову схватилась. И тут хозяйка времянки к нам стучится: «Надежда Никитична, я какой сон видела, сейчас вам расскажу. Скорбь к вам пошла, какая-то у вас будет скорбь. Вижу я, будто в нашей бывшей времянке очутилась церковь с крестом. Смотрю внутрь, а там монах стоит в мантии, и около него какая-то женщина в одежде монашеской, и оба молятся. Потом прямо с ними вместе сдвинулась эта церковь с места и пошла, пока не остановилась». А я в тот момент в другой комнате на кровати лежала. Как вскочу, да и спрашиваю: «Где остановилась?» Она говорит: «Пойдем, я покажу, где остановилась». Я беру брата, маму: «Пойдемте глядеть». Вышли на огород, хозяйка рукой показывает и говорит: «Вот тут эта церковь остановилась». Я спрашиваю своих: «Ну что, отспорили?» – «Да, – говорят, – отспорили». Батюшка вышел, тоже смотрит: «Правда, подходяще, и от дороги в стороне, и от соседей, и от вас». И мы решили тут ставить.

Начали с ним строить келью. Батюшка хоть и слабенький, но сам все делал, никого не пускал. К нам напрашивались подзаработать, но батюшка не соглашался. Стал печку строить, а она дымит. «Давай, – говорю, – печника пригласим, он безплатно сделает». – «Нет, – отвечает, – сам буду». И все-таки добился, печку построил. Потом говорит: «Я их никогда не строил, и спросить мне не у кого». К нам ведь 10 лет никто не ходил, батюшка в затворе был, у него благословение было. Причащаться только ездили. А затвор ему Странница благословила, он Ей сильно верил. Она сказала: «Батюшка, уходи в уединение, в затвор». А мне сказала: «Никто к вам ходить не будет».

Предсказание

Забыла сказать, что батюшка ведь у нас в Грязях еще раньше был как-то один раз. Дело было так. У батюшки икона была «Взыскание погибших». Когда он срок получил, то отдал ее на хранение в Мичуринск мать Серафиме, и она у нее 20 лет сохранялась. Когда срок к концу подходил, мать Серафима мне говорит: «Мария, придет батюшка, а икона его без рамки. Ты ее сделай, как умеешь».

Вот я ее взяла к себе, привезла в Грязи, сделала рамку. А когда батюшка пришел из заключения, он ее хотел забрать и прямо ко мне приехал за этой иконой. Но постоял на пороге как-то задумчиво и говорит: «Что-то она ко мне не идет. Пусть у тебя остается». Еще не было разговора, чтобы он тут жил. Так мы икону и оставили. Это Матерь Божия его извещала, что он все равно сюда вернется.

В публикации использованы материалы иеромонаха Нестора (Кумыша) и схимонахини Николаи, являющейся ныне насельницей Снетогорского монастыря.

(Продолжение следует)

Из писем схимонаха Иоасафа (Моисеева)

Христос воскресе! 18-31/V–59 г.

Слава Богу за все, за все испытания, печали и скорби. Это путь наш ко спасению, если приступаешь работать Богу, то приготовь свою душу ко искушению.

Вера! Ты не думай, что я далек от тебя, каждую минуту созерцаю вас, ваше бытие и житие и стремления вашей души и сердца к Богу, но много, много, встретит испытаний твоя вера и стремление к Господу. Мы кругом окружены всякими испытаниями... если стремишься стать на этот путь Ангельского образа, то должна прежде всего умереть для мира — во всем воздержание, благодарное терпение, истинное смирение.

Я вижу однажды во сне большой гроб деревянный, закрытый крышкой, перед собой, и слышу незримый голос, говорящий мне: «Открой крышку гроба». Подхожу, открываю крышку... и вторично мне говорит голос незримый: «Ложись в него». А я и размышляю в самом себе: ведь я же живой, и слышу 3-й раз голос отвечает на мои мысли: «Ты добровольно заживо похоронил себя». И я проснулся, и в ту же минуту почувствовал извещение, что я добровольно, никем не принуждаем, должен умереть для этой временной земной жизни.

Но ты, родная, подумай о себе, о своем окружении. Ведь ты и оставлена от ложа мужа, но все может враг рода человеческого представить вам, тут и дочь твоя все будет напоминать и мешать твоему пути, и будет терзать твое сердце, не давать тебе покоя. Итак, если ты, укрепленная вышнею благодатию, хочешь презреть весь мир и уверовала словам Христа, Который говорит: *всяк от вас, который не отречется [от] всего своего имения, не может быть Моим учеником* или ученицей, как ты хочешь последовать Ему, и продолжает опять: *который оставит дом, или братьев или сестры, или отца или матери, или жену мужа или чада, или село Имени Моего ради, сторицею примет, и жизнь вечную наследует.* И вот, надо подумать, Вера, чтобы была готовность ко всему, перенесению и терпению всех прискорбностей жизни твоей, [и] тогда вступать на сей путь. И вот что есть Крест Господень — страдания, распятие на нем себя. Если мы не возьмем добровольно Креста Господня и не распнем на кресте плоть свою со страстями, не можем иначе спастися. Смотри, мы от Креста принимаем крещение, чтобы последовать за Ним страданием. Крестом Его мы охраняемся от силы вражией, Крест Его — знамение любви к Нему — носим на груди... Теперь крест во мне, то есть внутри нашего сердца и души. Страдания, скорби несение — из любви к Нему, [так] как Он за нас пролил Свою пречистую кровь.

Итак, Вера, да поможет Тебе Господь и Матерь Божия, и Ангелы Хранители, и все святые. Унывать и падать духом не нужно, Господь милостив, и Матерь Божия да покроет вас честным Своим омофором.

Поминаю, молюсь о всех вас и любящих мя и помнящих. Писал я и поздравлял матушек: мать Евгению, Анатолию, Таню, Агафию — и просил их дать разрешение посетить их и денька 2-3 побыть, чтобы мне с батюшкой Мелетием повидаться. Но чуя в этом озлобление их на меня, они не ответили мне, [так] что не совершилась моя поездка к вам до сего времени. А ты живешь далеко от города, и я, боясь своей слабости, не дойду, но все-таки намерение есть побывать у отца Мелетия, проститься с ним. Спасайся о Господе. Поминящий вас монах Иосиф, привет Зинаиде Петровне и дочке вашей Зине. Вера, будь откровенна, если ты что смущаешься, пиши. Жизнь наша во Христе, а не в людях.

«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

О монахе Давиде и о жизни в пустыни

Часть 2

Вопрос: *Отец Константин, каким основным принципом вы с монахом Давидом руководствовались в своей духовной жизни?*

Ответ: *«Благо есть надеятися на Господа и пети имени Твоему Вышний».* Но, конечно, это было больше свойственно Давиду. Я шел сзади — только как бы «прицепом».

Вопрос: *Вы не раз говорили об отце Давиде, что он имел большое доверие Богу. Не могли бы Вы рассказать какие-нибудь случаи вот такой его «безоглядной» веры, его надежды на Бога и Матерь Божию в трудных внешних и внутренних ситуациях?*

Ответ: Таких ситуаций было немало с самого начала. Когда мы только приехали в пустынь, добрались до озера, перешли на противоположный его берег, то прожили на одном месте недели две. Потом я пошел искать монахов или хотя бы монашескую тропу (об этом мы узнали по пути к озеру — когда мы остановились в селении в одном доме, хозяин-армянин рассказал нам, что в этих местах живут монахи). Долго ходил, но никого из монахов не встретил и монашеской тропы не нашел, потому что на склоне горы перед этим пасли скот, троп было очень много, и скотские тропы затерли две еле заметные монашеские тропы.

Озеро Аитжел, вид с охотничьей тропы

И вот пришел я из своей «разведки» уставший, разочарованный и жалуюсь Михаилу:

— Что будем делать? Тропы я не нашел, монахов не нашел, ничего не нашел.

— Что ж, — ответил он, — значит, будем сидеть и молиться.

Абсолютное спокойствие, никакой повышенной реакции — дескать, «что же мы теперь будем делать?!» При тех-то условиях нашего существования и полной неопределенности это было, пожалуй, подвигом веры.

Или вот другая ситуация. После того, как к нам приплыли два плота по озеру (их прибило ветром), мы сели и переправились на другую сторону, где речка впадает в озеро. И там, на речке, обосновались. Прошел примерно месяц, я говорю:

— Дело движется к осени, давай будем искать подходящее место и как-то устраиваться, сооружать более капитальное жилье, чем эти два куска полиэтилена 1,5 х 1,5 м, ведь нужно готовиться к зиме.

— Ну хорошо, давай...

Попытались мы пройти дальше в горы вверх по течению реки, но один брод оказался нам не под силу, и мы вынуждены были возвратиться на свое прежнее место. После этого на меня напали малодушие и смущение: «Как же так?! Хотели пройти дальше в пустынь, а не получилось — предпринятая попытка окончилась неудачей...» Хотя и чувствовалась в нашем новом жительстве Божия помощь и неусыпный Промысл Его, но временами я не выдерживал — одолевали смущение и недоумение. А Михаил благодушествовал и ничего подобного абсолютно не проявлял.

Вот прошло еще немного времени — ну надо же что-то делать!.. И поскольку (уже со слов охотников) мы знали, что где-то здесь поблизости живут монахи, то я снова начал «приставать» к Михаилу:

— Может, все-таки пойти их поискать?

Но он совершенно спокойно ответил:

— Если Господу будет угодно, они нас сами найдут, мы встретимся с ними. А если нет — значит, нет. Зачем нам безпокоиться? Ведь Господь без сомнения о нас промышляет.

И вскоре, действительно, как бы «случайно», на тропе я встретился с двумя монахами, с которыми и поселились по соседству в пустой монашеской келье.

Так что эти живые примеры были для меня внушительными, наглядными образцами безоглядной веры и надежды на Бога, которые действительно помогали предаваться воле Божией во всех обстоятельствах жизни.

Вопрос: *Ну, это в начальный период... А что было дальше?*

Ответ: Как известно, вера и надежда на Бога наиболее ярко проявляются в экстремальных ситуациях жизни. Однако и во время «сереньких будней» немало бывает испытаний для нашей веры.

Был однажды такой случай. После того, как мы прожили уже некоторое время в пустыни, сложился ряд обстоятельств, которые понуждали нас искать другое место для жительства. Что делать, куда переселяться, на какую гору — мы недоумевали. Написали письмо отцу Виталию (Сидоренко), описали все свои обстоятельства и недоумения. Получили ответ: «Молите Бога, куда направить стопы своя». Давид «ничтоже сумнясь» принял это слово. И вот мы молимся и ждем. Проходит месяц, два, пять, десять... год... а нам нет никакого ни вразумления, ни от отца Виталия никакого конкретного благословения...

А обстоятельства жизни в том месте были вовсе не безразличны для нас. Келия старая и требует частого ремонта. Против нас на другом берегу реки на расстоянии около двух километров начали работать геологи — шум, крики, движение... Но главным обстоятельством было то, что наше жилище было «вмонтировано» в склон горы. Над келией ее строители оставили расти для маскировки огромный каштан. Причем — с очень большим углом наклона на строение. Горная порода в том месте была из щебня и камня, который постоянно осыпался на заднюю стенку келии, за счет чего под корнями каштана образовалась пустота. И с каждым днем, по мере осыпания камней, неизбежность падения этого огромного дерева толщиной в полтора обхвата все увеличивалась. Особенно опасно было во время непогоды — ветра или снегопада, когда мокрый снег налипал на ветви, может быть, сотнями килограммов. В случае падения каштана шансов остаться в живых не усматривалось.

И вот мы поглядываем на это дерево, молимся и ждем одного из трех: или конкретного благословения от отца Виталия, или какого-либо Божиего вразумления на переход в другое место, или, что весьма вероятно, падения дерева на наши головы с последующим переходом в вечность... И так продолжается не месяц, не два, а целых полтора года. И Давид за это время не выказал никакого безпокойства — ни тени ропота или нетерпения. Кто что-то подобное испытывал, тот поймет, что столько времени безропотно ждать вразумления, «куда направить стопы своя», без крепкой веры и надежды на Бога просто невозможно.

...Иногда мне приходили помыслы, что надо не сидеть в келии и «просто молиться», а молиться и искать новое подходящее место для постройки нового жилища. Но Давид не соглашался на поиск, ведь в благословении отца Виталия не было сказано «молитесь и ищите», а «молитесь, куда направить стопы своя». Нас, а точнее меня, такой ответ старца удивил и даже несколько расстроил. Мне думалось, что отец Виталий, зная хорошо эти места, эту территорию, укажет нам тайное и хорошее место весьма определенно. Но — увы!.. Он только сказал: «Молитесь...»

Кстати, сегодня многие ропщут, когда слышат подобный ответ духовника. Нам хочется получать готовые ответы на все наши вопросы, причем тут же — «на золотой тарелочке с голубой каемочкой». «Самим молиться — это не ответ», — думается нам.

Давид не соглашался начинать серьезные поиски места прежде какого-то определенного вразумления. Но вот однажды он сказал, что во сне ему было показано место, где нам строить новую келью. Увидел себя, что он стоит лицом на восток и видит перед собой склон горы, на котором выступает горизонтальная площадка, а ниже ее — еще более крутой склон. Мы увидели в этом событии перст Божий и, помолясь, отправились на поиски. После нескольких дней поисков мы с Божией помощью нашли это место и начали строить там новую келью. Это место, кстати, оказалось невдалеке от тайной келии, которую озерские братия[1] построили в свое время «на всякий случай», но то строение потом кто-то сжег. Это место, возможно, знал о. Виталий, но сказал: «молите Бога»...

Вопрос: *А почему все-таки старец не указал это место конкретно, если он действительно знал территорию, а подверг вас такому нелегкому испытанию?*

Ответ: Значит, такое испытание нам было полезно. Может быть, для того, чтобы на опыте узнали, что «благо есть надеятися на Господа» и «не надейтеся на князи, на сыны человеческия». Да и все, мне думается, истинные духовники направляют своих чад к Богу, а не к себе. Так должно быть, и это нужно понять, чтобы не усвоить себе превратных понятий о послушании. А то пришлось однажды услышать о таком «совершенстве» послушания духовных чад у своих старцев: «Батюшка, а я еще забыла спросить у Вас: на каком трамвае мне ездить (к Вам и от Вас) — на 28-м или 16-м?» Вот на какое «духовное делание»

---

[1] Имеется в виду пустынное братство, сложившееся в районе Амткельского озера в 60-е годы XX-го столетия. Монахи жили на озере и раньше, но именно в 60-е годы из-за очередной волны гонений на Православную Церковь в тех местах образовалась наиболее многочисленная монашеская община. В числе «озерских» братий того периода в течение девяти лет подвизался и отец Виталий *(прим. ред.)*.

и «подвиг» берут порой благословение духовные чада у своих пастырей.[2]

...И вот после этого, с Божией помощью, «закатав рукава», мы начали учиться строить келию (до этого у нас подобного опыта не было). Строили более чем полгода, но все-таки построили.

Так и среди «сереньких будней» бывают серьезные испытания нашей преданности воле Божией.

Вопрос: *Какие еще, по Вашему мнению, душевные качества особо выделялись в монахе Давиде?*

Ответ: В первую очередь, это были мягкость, уступчивость (но отнюдь не человекоугодие). Не замечалось в нем также командного тона, желания управлять, главенствовать. Если складывалась ситуация, когда нужно было проявить инициативу, то поступал он мягко, ненавязчиво. Мог, например, подойти и как бы невзначай сказать: «Что-то дров у нас мало осталось...» И это — даже несмотря на то, что я в открытую выказывал ему свое уважение и желание слушаться.

Вопрос: *А бывали ли у брата Давида срывы на гнев, раздражительность?*

Ответ: Единственное, помню, его смущение за двенадцать лет нашей совместной пустынической жизни — по поводу письма. Однажды он написал письмо крестной своего отца, Пелагее Леонтьевне. И когда я пошел в селение за ношей, попросил меня отдать почтальону, у которого мы останавливались на ночлег. А я забыл про это письмо и принес его обратно. Это было, кажется, перед Великим постом, во время которого мы никуда не выходили из келии, то есть на длительный период отсрочилась отправка этого письма. Давид, конечно, сильно огорчился и выговорил мне: «Как же так?! Ну что же ты так халатно относишься?!» — чувствовалось, что он был в негодовании на меня за такую халатность. А так, по милости Божией, он ни разу не срывался на гнев, хотя я, конечно, представлял ему искушение своей всесторонней безтолковостью.

Вопрос: *Расскажите что-нибудь про ваши взаимоотношения в быту.*

Ответ: Относительно того, как Михаил (монах Давид) вел себя в быту, вспоминаются такие моменты. Приходим, скажем, мы в селение за ношами. Поскольку у Михаила здоровье было слабое, то я накладываю рюкзаки себе и ему неравномерно. Себе беру потяжелее, ему даю полегче. Но он каждый раз подойдет, взвесит их рукой и забирает себе тяжелый рюкзак. И вот начинается у нас «тяжба»: он дергает этот рюкзак к себе на плечо, а я дергаю к себе. Это единственный, наверное, момент, в чем у нас было житейское разногласие. Потом я понял, что это у него уже такая «установка», тогда пришлось смириться и нагружать рюкзаки с небольшой разницей — мол, теперь выбирай, какой хочешь. Так мы нашли способ мирного урегулирования «конфликта».

Или вот еще такой характерный момент.

Однажды на второй или третий год нашего жительства в пустыни, когда прошел Великий пост, мы решили: давай испечем куличи на Пасху. Я говорю Михаилу: «Если можешь, испеки». Завели закваску, замесили тесто, добавили туда сахар и постное масло. Ждем, ждем... а тесто наше и не думает подходить. Уже как там его грели — и так, и этак, но... и день стоит, не подходит, и второй пошел, а оно не подходит... Недоумеваем: «Что будем делать?» Давид говорит: «Молиться надо». И давай мы молиться, чтобы тесто подошло и не пропало. Тогда дрожжей у нас не было, а была самодельная закваска, изготовленная из скисшего супа, муки и ложки сахара. Да и мука не очень хорошая была. Ну, в общем, много было всяких предпосылок, чтобы куличи у нас не получились. Но когда тесто все-таки поднялось, и испекли куличи, то они оказались не только съедобными, но и очень ароматными. Кто из братии приходил и кушал их, спрашивал: «А что вы сюда добавили? Не то ванилин, не то какие-то особые специи...» Так даже будничные, житейские дела и проблемы Михаил (монах Давид) решал, не предаваясь раздражению и ропоту, но с помощью молитвы и надежды на Бога.

Вопрос: *Известно, что все люди склонны к тщеславию. А монах Давид еще имел и врожденные свойства ума и добрых качеств души, также и обетования Свыше, и сам его приход к Богу был такой вот особый. Интересно, как он боролся с тщеславием? Какие были у него противодействия этой страсти?*

---

[2] К сожалению, многие пасомые сегодня путают понятие послушания с духовной ленью, приводящей к инфантилизму, и наоборот. Духовные дети отца Виталия свидетельствуют, что старец тщательно приучал их к послушанию, побуждая на все брать благословение. Но в то же время он очень скорбел, когда у чад начинался процесс подмены одного понятия другим.

Вот что к примеру рассказала по этому поводу одна из духовных дочерей Батюшки, раба Божия Зинаида: «Когда я была однажды у отца Виталия, ему прислал письмо какой-то священник. Батюшка сказал нам: "Вот послушайте, что я ему ответил..." — и зачитал. Ну, обычный духовный ответ, назидание... Но отец Виталий обратил наше внимание: "Если он хорошенько, внимательно прочтет, ему хватит на всю жизнь". Это было характерно для отца Виталия. Он и мне однажды сказал: "Что вы всё спрашиваете, спрашиваете!.. Я вам сколько пишу, а вы меня всё спрашиваете. Вы возьмите мое первое письмо и прочитайте его внимательно — и вам будет достаточно. Там ответы на все вопросы. Мне отец Серафим в свое время сказал несколько слов — и мне их на всю жизнь достаточно...". Мы ж хотели иметь конкретные ответы на каждый свой вопрос, а он имел в виду вообще всю духовную постановку...» (см. «Задонский паломник» № 62, стр. 16). *(прим. ред.).*

Ответ: Относительно борьбы с тщеславием запомнился мне один разговор, в котором Давид высказал такую мысль. «Нам, — сказал он, — просто нужно понять, как все происходит (бывает) в нашей жизни. Если мы что-то имеем — естественные душевные или духовные дарования, так это ведь не наше, а Божие. Если мы отличаемся от другого человека каким-то превосходящим качеством — это дар Божий, который присваивать себе просто ГЛУПО (ибо пытаться присвоить себе что-то Божие — величайшая глупость). А если я — глупый человек, то, следовательно, нечем мне и тщеславиться». Это было как-то так убедительно преподано, что я подумал: «Какой простой и уникальный круг, который очень быстро замыкается и уничтожает то, чем враг пытается надмить». Вот такой у него был настрой на противодействие тщеславным помыслам.

И еще запомнился важный момент. Давид мое отношение к нему понимал — что я с почтением к нему отношусь и смотрю, как он живет, и стараюсь в какой-то степени ему подражать. И вот как-то раз он высказался мне по этому поводу следующим образом: «Я, — говорит, — вот что тебе скажу. Имей в виду, что когда кто-то что-то делает, не старайся ему подражать, доколе не узнаешь его образа мыслей. Спроси, почему он это делает или наоборот — почему не делает того, что якобы должен делать. И только узнав образ его мыслей, ты можешь рассудить и решить, нужно ли тебе в этом понравившемся тебе образе поведения подражать ему или нет. И не думай, что если ты будешь подражать кому-то слепо, то это будет тебе вменяться в добродетель. Потому что добродетель — это осознанное, разумное подражание и последование Христу, а не машинальное исполнение какого-то доброго на вид дела. Ведь является добром лишь то, что творится ради Бога и в Боге и что соответствует воле Божией. К примеру, можно дать милостыню ради тщеславия (чтобы о тебе хорошо думали и хвалили) или ради того, чтобы эта милостыня вернулась тебе в десять раз больше (как бы по «духовному» расчету, фактически — ради корыстолюбия). А можно поступить так ради сострадания, по любви к ближнему, т.е. ради Бога. Именно потому, когда ты видишь, что кто-то что-то делает, какое-то доброе дело, ты его спроси, почему он это делает. А потом только решишь, нужно ли тебе подражать ему или нет». Вот так он меня предостерегал, чтобы я не превратился из-за неправильной любви к человеку в безсмысленного попугая, обезьяну. Для меня это была новая мысль и, спаси Господи, я принял ее к сведению, хотя, может, и до сих пор еще не исполнил этот совет вполне.

(Продолжение следует)

ИЕРУСАЛИМ

Рассказ

Собрались в Иерусалим два старика Богу молиться. Один был богатый мужик, звали его Ефим Тарасыч Шевелев. Другой был небогатый человек Елисей Бодров.

Ефим был мужик степенный, водки не пил, табаку не курил и не нюхал, черным словом весь век не ругался, и человек был строгий и твердый. Два срока проходил Ефим Тарасыч в старостах. Семья у него была большая: два сына и внук женатый, и все жили вместе. Из себя он был мужик здоровый, бородастый и прямой, и на седьмом десятке только стала седина в бороде пробивать. Елисей был старичок ни богатый, ни бедный, хаживал прежде по плотничной работе, а под старость стал дома жить и водить пчел. Один сын на охоту ходил, другой – дома. Человек был Елисей добродушный и веселый, невысокий, черноватенький, с курчавой бородкой и, по своему святому – Елисею-пророку, с лысиной во всю голову.

Давно пообещались старики и сговорились вместе идти, да все Тарасычу недосуг было: не перемежались у него дела. Только одно кончается, другое затевается: то внука женит, то из солдатства сына меньшого поджидает, а то избу затеял новую класть.

Сошлись раз старики праздником, сели на бревнах.

– Что ж, – говорит Елисей, – когда оброк отбывать пойдем?

Поморщился Ефим.

– Да погодить, – говорит, – надо, год нынче мне трудный вышел. Затеял я эту избу класть, думал что-нибудь на сотню накину, а она уж в третью лезет. И то все не довел. Видно, уж до лета. На лето, коли Бог даст, безпременно пойдем.

– На мой разум, – говорит Елисей, – откладывать нечего, идти надо нынче. Самое время – весна.

– Время-то время, да дело расчато, как его бросить?

– Разве у тебя некому? Сын дела поделает.

– Как поделает-то? Большак-то у меня ненадежен – зашибает.

– Помрем, кум, будут жить и без нас. Надо и сыну поучиться.

– Так-то так, да все хочется при своем глазе дело свершить.

– Эх, милый человек! Дел всех никогда не переверши́шь. Вот намеднись у меня женщины к празднику моют, убираются. И то надо, и другое, всех дел не захватят. Старшая сноха, женщина умная, и говорит: «Спасибо, говорит, праздник приходит, нас не дожидается, а то, говорит, сколько б ни делали, всего бы не переделали».

Задумался Тарасыч.

– Денег, – говорит, – много извел я в эту постройку; а в поход тоже не с пустыми руками идти. Деньги немалые – 100 рублей.

Засмеялся Елисей.

– Не греши, – говорит, – кум. Твой достаток против моего в десять раз, а ты про деньги толку-

ешь. Только скажи, когда выходить – у меня и нет, да будут.

Ухмыльнулся и Тарасыч.

– Вишь, богач какой объявился, – говорит, – где же возьмешь-то?

– Да дома поскребу – наберу сколько-нибудь; а чего не хватит – ульев с десяток с выставки соседу отдам. Давно уж просит.

– Роевщина хорошая будет, тужить будешь.

– Тужить?! Нет, кум! В жизни ни о чем, кроме как о грехах, не тужил. Дороже души ничего нет.

– Оно так, да все неладно, как по дому неуправка.

– А как у нас по душе-то неуправка будет, тогда хуже. А обреклись – пойдем! Право, пойдем.

И уговорил Елисей товарища. Через недельку собрались старики.

У Тарасыча были деньги дома. Взял он себе 100 рублей на дорогу, 200 рублей старухе оставил.

Собрался и Елисей; продал соседу 10 ульев с выставки и приплод, сколько будет от 10 колодок, тоже соседу. Взял за все 70 рублей. Остальные 30 рублей по дому под метелочку у всех обобрал. Старуха свои последние отдала, на похоронки берегла; сноха свои дала.

Вышел Елисей с веселым духом и как отошел от деревни, так все дела свои забыл. Только и думки у него, как бы дорогой товарищу угодить, как бы кому грубого слова не сказать, как бы в мире и любви до места дойти и домой вернуться. Идет Елисей дорогой и все сам про себя либо молитву шепчет, либо жития, какие знает, на память твердит. А сойдется на пути с человеком или на ночлег придет, со всякими норовит как бы поласковее обойтись да по-Божьи слово сказать. Идет – радуется. Одного дела не мог сделать Елисей. Хотел бросить табак нюхать и тавлинку дома оставил, да скучно стало. Дорогой дал ему человек. И нет-нет, отстанет от товарища, чтоб его в грех не вводить, и понюхает.

Идет и Ефим Тарасыч хорошо, твердо, худого не делает и пустого не говорит, да нет у него легкости на душе. Не выходит у него из головы забота про домашнее. Все поминает, что дома делается. Не забыл ли чего сыну приказать и так ли сын делает? Увидит по дороге – картофель садят или навоз везут, и думает: так ли по приказу его сын делает. Так бы, кажется, вернулся и все бы показал и сам сделал.

Шли пять недель старики, домашние лапти избили, уж новые покупать стали и пришли в хохлатчину. От дома шли, за ночлег и за обед платили, а пришли к хохлам, стали их наперебой к себе люди зазывать. И пустят, и покормят, и денег не берут, а еще на дорогу в сумки им хлеба, а то и лепешек накладут. Прошли так вольно старики сот семь; прошли еще губернию и пришли в неурожайное место. Пускать пускали и денег за ночлег не брали, а кормить перестали. И хлеба не везде давали, другой раз и за деньги не добьются. Прошлый год, рассказывал народ, не родилось ничего. Которые богаты были, разорились, все распродали; которые средственно жили – на нет сошли; а бедняки – так уехали совсем, или по миру ходят, или дома кое-как перебиваются. Зимой мякину или лебеду ели.

Пришли в большое село, прошли все насквозь. И уж жарко стало. Уморился Елисей, захотелось ему и отдохнуть и напиться, да не останавливается Тарасыч. Тарасыч в ходьбе крепче был, и трудненько было Елисею за ним тянуться.

– Напиться бы, – говорит.

– Что ж, напейся. Я не хочу. Остановился Елисей.

– Ты, – говорит, – не жди, я только забегу вон в хатку, напьюсь. Живой рукой догоню.

– Ладно, – говорит. И пошел Ефим Тарасыч один по дороге, а Елисей повернул к хатке.

Подошел Елисей к хатке. Хатка небольшая, мазаная; низ черный, верх белый, да облупилась уж глина, давно, видно, не мазана, и крыша с одного бока раскрыта. Ход в хатку со двора. Вошел Елисей на двор: видит – у завалинки человек лежит безбородый, худой, рубаха в портки – по-хохлацки. Человек, видно, лег в холодок, да солнце вышло прямо на него. А он лежит и не спит. Окликнул его Елисей, спросил напиться – не отозвался человек. «Либо хворый, либо неласковый», – подумал Елисей и подошел к двери. Слышит – в хате дитя плачет. Постучал Елисей кольцом. «Хозяева!» Не откликаются. Постучал еще посошком в дверь. «Крещеные!» Не шевелятся. «Рабы Божии!» Не отзываются. Хотел Елисей уж и прочь идти, да слышит – из-за двери ровно охает кто-то. «Уж не беда ли какая-нибудь с людьми? Поглядеть надо!» И пошел Елисей в хату.

Повернул Елисей кольцо – не заперто. Открыл дверь, прошел через сенцы. Дверь в хату отперта. Налево печь; прямо передний угол; в углу божница, стол; за столом – лавка; на лавке в одной рубахе старуха простоволосая сидит, голову на стол положила, а подле ней мальчишка худой, как восковой весь, а брюхо толстое, старуху за рукав дергает, а сам ревмя ревет, чего-то просит. Вошел Елисей в хату. В хате дух тяжелый. Смотрит – за печью на кровати женщина лежит. Лежит ничком и не глядит, только хрипит и ногу то вытянет, то подтянет. И швыряет ее с боку на бок, и от нее-то дух тяжкий, – видно, под себя ходит, и убрать ее некому. Подняла голову старуха, увидала человека.

– Чого, – говорит, – тоби треба? Чого треба? Нема, чоловиче, ничого.

Понял Елисей, что она говорит, подошел к ней.

– Я, – говорит, – раба Божия, напиться зашел.

– Нема, кажу, нема. Нема чего й взяти. Иди соби.

Стал Елисей спрашивать:

– Что ж, и здорового у вас али никого нет женщину убрать?

– Та нема никого: чоловик на двори помира, а ми туточки.

Замолчал было мальчик – чужого увидал, да как заговорила старуха, опять ухватил ее за рукав: «Хлиба, бабусю! хлиба», – и опять заплакал.

Только хотел спросить Елисей старуху, ввалился мужик в хату, прошел по стенке и хотел на лавку сесть, да не дошел и повалился в угол у порога. И не стал подыматься, стал говорить. По одному слову отрывает, скажет – отдышится, другое скажет.

– И болисть, – говорит, – напала, голодни. Ось з голоду помирають! – показал мужик головой на мальчика и заплакал.

Встряхнул Елисей сумку за плечами, скинул на лавку. Развязал, достал хлеб, ножик, отрезал ломоть, подал мужику. Не взял мужик, а показал на мальчика и на девочку – им, мол, дай. Подал Елисей мальчику. Почуял мальчик хлеб, потянулся, ухватил ломоть обеими ручонками, с носом в ломоть ушел. Вылезла из-за печки еще девочка, уставилась на хлеб. Подал и ей Елисей. Отрезал еще кусок и старухе дал. Взяла и старуха, стала жевать.

– Воды бы, – говорит, – принести, уста запеклись. Хотела, – говорит, – я – вчера ли, сегодня, уж и не помню – принести, упала, не дошла, и ведро там осталось, коли не взял кто.

Пошел Елисей, нашел ведро, принес воды, напоил людей. Поели ребята еще хлеба с водой, и старуха поела, а мужик не стал есть. «Не принимает, говорит, душа». Женщина – та и вовсе не поднималась и в себя не приходила, только металась на кровати. Пошел Елисей на село в лавку, купил пшена, соли, муки, масла. Разыскал топоришко, нарубил дров, стал печку топить. Стала ему девочка помогать. Сварил Елисей похлебку и кашу, накормил людей. Поел мужик немножко, и старуха поела, а девочка с малышком и чашку всю вылизали и завалились, обнявшись, спать.

Раздумал Елисей в тот же день идти догонять товарища и заночевал тут. Наутро встал, взялся по дому за работу, как будто сам он и хозяин. Замесил со старухой хлеба, истопил печку. Пошел с девчонкой по соседям добывать, что нужно. Чего ни хватится – ничего нет, все проедено: ни по хозяйству, ни из одежи. И стал Елисей припасать то, что нужно: что сам сделает, а что купит. Пробыл так один день, пробыл другой, пробыл и третий. Справился малышок, ходить стал по лавке, к Елисею ластится. А девочка совсем повеселела, во всех делах помогает. Все за Елисеем бегает: «Диду! дидусю!» Поднялась и старуха, к соседочке прошла. Стал и мужик по стенке ходить. Лежала только хозяйка, да и та на третий день очнулась и стала есть просить. «Ну,

– думает Елисей, – не чаял я столько времени прогулять, теперь пойду».

На четвертый день подошли разговены, и думает Елисей: «Дай уж разговеюсь с людьми, куплю им кое-чего для праздника, а на вечер и пойду». Пошел Елисей опять на село, купил молока, муки белой, сала. Наварили, напекли они со старухой, а наутро сходил Елисей к обедне, пришел, разговелся с людьми. Встала в этот день и жена, стала бродить. А мужик побрился, чистую рубаху надел – старуха выстирала, – пошел на село к богатому мужику милости просить. Заложены были богатому мужику и покос и пашня – так и пошел просить, не отдаст ли покоса и пашни до новины. Вернулся к вечеру хозяин скучный и заплакал. Не помиловал богатый мужик, говорит: «Принеси деньги«.

Задумался опять Елисей. «Как им, – думает, – теперь жить? Люди косить пойдут, им нечего: покос заложен.

Поспеет рожь – люди убирать примутся (да и родилась же она хорошо, матушка!), а им и приждать нечего: продана у них десятина ихняя богатому мужику. Уйду я, они опять так же собьются». И разбился Елисей мыслями и не пошел с вечера – отложил до утра. Пошел спать на двор. Помолился, лег и не может заснуть: и идти-то надо – уж и так и денег, и времени много провел, и людей жалко. «Всех, видно, не оделишь. Хотел им водицы принести да хлебца по ломтю подать, а она, вишь, куда хватила. Теперь уж – покос да пашню выкупи. А пашню выкупи, корову ребятам купи да лошадь – мужику снопы возить. Видно, запутлялся ты, брат Елисей Кузьмич. Разъякорился, и толков не найдешь!» Поднялся Елисей, взял кафтан из-под головы, развернул, достал рожок, понюхал, думал мысли прочистить, ан нет: думал, думал, ничего не придумал. И идти надо, и людей жалко. А как быть, не знает. Свернул кафтан под голову и опять лег. Лежал, лежал, уж и петухи пропели, и совсем засыпать стал. Вдруг ровно разбудил его кто. Видит он, будто одет он совсем, и с сумкой и с посохом, и надо ему в ворота пройти, а отложены ворота, только чтоб пролезть одному. И идет он в ворота и зацепил с одной стороны сумкой; хотел отцепить, зацепился с другой стороны онучей, и онуча развязалась. Стал отцеплять, ан зацепился не за плетень, а это девчонка держит, кричит: «Диду, дидуся, хлиба!» Поглядел на ногу, а за онучу малышок держит, из окна старуха и мужик глядят. Проснулся Елисей, заговорил с собой в голос. «Выкуплю, – говорит, – завтра пашню и покос, и лошадь куплю, и муки до новины, и корову ребятам куплю. А то пойдешь за морем Христа искать, а в самом себе потеряешь. Надо справить людей!» И заснул Елисей до утра. Проснулся Елисей рано. Пошел к богатому мужику – рожь выкупил, отдал деньги и за покос.

Купил косу – и та продана была – принес домой. Послал мужика косить, а сам пошел по мужикам: отыскал у кабачника продажную лошадь с телегой. Сторговался – купил, купил и муки мешок, на телегу положил и пошел корову покупать. Идет Елисей и нагоняет двух хохлушек. Идут женщины, промеж

себя балакают. И слышит Елисей, что говорят женщины по-своему, а разбирает, что про него говорят.

– Бач, оце його значала не пизнали, така думка: простий чоловик. Зайшов, кажуть, напиться, та и там и зажив. Чого, чого не накупав вин им. Сама бачила, як своего дни у шинкаря коняку з возом купив. Ни мабуть таки э люди на свити. Треба пити подивиться.

Слыхал это Елисей, понял, что его хвалят, и не пошел корову покупать. Вернулся к кабачнику, отдал деньги за лошадь. Запряг и поехал с мукой к хате. Подъехал к воротам, остановился и слез с телеги. Увидали хозяева лошадь – подивились. И думается им, что для них он лошадь купил, да не смеют сказать. Вышел хозяин, отворил ворота.

– Откуда, – говорит, – конь у тебя, дедушка?

– А купил, – говорит. – Дешево попалась. Накоси, мол, в ящик травки ей на ночь положить. Да и мешок сними.

Отпряг хозяин лошадь, снес мешок в амбар, накосил беремя травы, положил в ящик. Легли спать. Елисей лег на улице и туда с вечера свою сумку вынес. Заснул весь народ. Поднялся Елисей, увязал сумку, обулся, одел кафтан и пошел в путь за Ефимом.

Отошел Елисей верст 5. Стало светать. Сел он под дерево, развязал сумку, стал считать. Сосчитал, осталось денег 17 р. 20 копеек. «Ну, – думает, – с этим за море не переедешь! А Христовым именем собирать – как бы греха больше не было. Кум Ефим и один дойдет, за меня свечку поставит. А на мне, видно, оброк до смерти останется. Спасибо, хозяин милостивый – потершит».

Поднялся Елисей, встряхнул сумой за плечами и пошел назад. Только село то обошел кругом, чтобы его люди не видали. И домой скоро дошел Елисей. Туда шел – трудно казалось, через силу другой раз тянулся за Ефимом; а назад пошел, так ему Бог дал, что идет и устали не знает. Идет играючи, посошком помахивает, по 70 верст в день уходит.

Пришел Елисей домой. Уж с поля убрались. Обрадовались домашние своему старику, стали расспрашивать: как и что, отчего от товарища отстал, отчего не дошел, домой вернулся? Не стал рассказывать Елисей.

– Да не привел, – говорит, – Бог, растерял дорогой деньги и отстал от товарища. Так и не пошел. Простите ради Христа.

И отдал старухе остальные деньги. Расспросил Елисей про домашние дела: все хорошо, все дела переделали, упущенья в хозяйстве нет, и живут все в мире и согласии.

* * *

Весь тот день, как остался Елисей в хате у больных людей, ждал Ефим товарища. Отошел он недалеко и сел. Ждал, ждал, соснул, проснулся, еще посидел – нет товарища. Все глаза проглядел. Уж солнце за дерево зашло – нет Елисея. «Уж не прошел ли, – думает, – мимо меня, или не проехал ли (подвез кто), не приметил меня, пока я спал. Да нельзя же не видать ему. В степи далеко видно. Пойти назад, – думает, – а он вперед уйдет. Разойдемся с ним, еще того хуже. Пойду вперед, на ночлеге сойдемся». Пришел в деревню, попросил десятского, чтобы, если придет такой старичок, отвести его в ту же хату. Не пришел на ночлег Елисей. Пошел дальше Ефим, спрашивал всех: не видали ли старичка лысенького? Никто не видал. Подивился Ефим и пошел один.

«Сойдемся, – думает, – где-нибудь в Одессе и на корабле», – и перестал думать.

Сошелся дорогой со странником. Странник в скуфье, в подряснике и с длинными волосами, был и на Афоне и в другой раз идет в Иерусалим. Сошлись на ночлеге, разговорились и пошли вместе.

Дошли до Одессы хорошо. Трое суток прождали корабля. Богомольцев много дожидалось. Были с разных сторон. Опять порасспросил Ефим про Елисея – никто не видал.

Выправил Ефим билет заграничный. Погрузили корабль, перевезли богомольцев. Подняли якоря, отчалили, поплыли морем... В Яфе высадка всем богомольцам: 70 верст пешеходу до Иерусалима...

Стали за городом, на Русском подворье, билеты прописали, пообедали, пошли со странником по святыням. Все места показывал странник и везде сказывал, сколько где денег подавать надо.

Наутро встали и пошли к ранней обедне в большой храм Воскресения – к Гробу Господню. Не отстает странник от Ефима, с ним вместе идет.

Пришли к храму. Народу – странников-богомольцев, и русских, и всяких народов, и греков, и армян, и турок, и сириян – собралось много. Пришел Ефим в Святые ворота с народом. Повел их монах все святыни показывать. Потом заторопился народ: заспешили все к самой пещере Гроба Господня.

...Стоит Ефим, молится и смотрит вперед, в часовню, где самый Гроб и над Гробом 36 лампад горят. Стоит Ефим, через головы смотрит, что за чудо! Под самыми лампадами, где Благодатный огонь горит, впереди всех, видит, стоит старичок в кафтане сермяжном, блестит лысина во всю голову, как у Елисея Бодрова. «Похож, – думает, – на Елисея. Да нельзя же ему быть! Нельзя ему прежде меня поспеть. Корабль до нас за неделю отходил. Нельзя ему было упредить. А на нашем корабле не было. Я всех богомольцев видел».

Только подумал так Ефим, стал молиться старичок и поклонился три раза: раз наперед Богу, а потом миру православному на обе стороны. И как повернул голову старичек на правую сторону, так и признал его Ефим. Самый он, Бодров, и есть – и борода черноватая, кур-

чавая, и проседь на щеках, и брови, и глаза, и нос, и все обличье его. Самый он, Елисей Бодров.

Обрадовался Ефим, что товарища нашел, и подивился, как так Елисей наперед его поспел.

– Ай да Бодров, – думает, – куда наперед пролез! Видно, с человеком таким сошелся, что провел его. Дай на выходе найду его, своего странника в скуфье брошу и с ним стану ходить, авось и он меня проведет наперед.

И все смотрел Ефим, как бы не упустить ему Елисея. Да отошла служба, зашатался народ, пошли прикладываться, затеснились, отдавили в сторону Ефима. Выбрался на простор, ходил-ходил, искал-искал Елисея тут и в храме. Тут же в храме по кельям всякого народа много видел – и нет нигде Елисея...

На другой день пошел опять Ефим к Гробу Господню. Хотел пролезть наперед, да опять отдавили его, и стал он у столба и молится. Поглядел наперед – опять под лампадами у самого Гроба Господня на переднем месте стоит Елисей, руки развел, как священник у алтаря, и блестит лысина во всю голову. «Ну, – думает Ефим, – теперь уж не упущу его». Полез продираться наперед. Продрался – нет Елисея. Видно, ушел. И на третий день опять у Гроба Господня смотрит – в самом святом месте стоит Елисей на самом на виду, руки развел и глядит кверху, точно видит что над собой. И светится его лысина во всю голову. «Ну, – думает Ефим, – теперь уж не упущу его, пойду к выходу стану. Там уж не разминемся». Вышел Ефим, стоял-стоял, полдень простоял: весь народ прошел – нет Елисея.

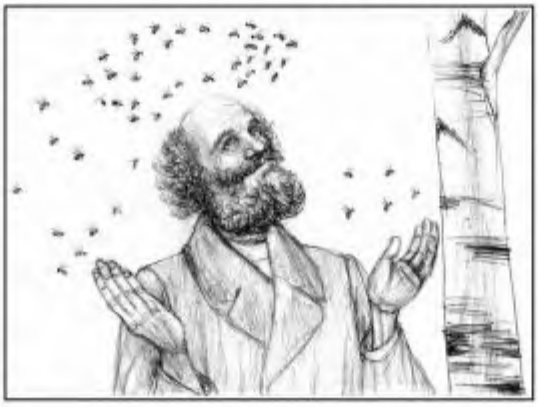
Пробыл шесть недель Ефим в Иерусалиме и побывал везде: и в Вифлееме, и в Вифании, и на Иордане, и на новую рубаху печать у Гроба Господня наложил, чтобы похорониться в ней, и воды из Иордана в склянку взял, и земли и свечей с Благодатным огнем взял, и в восьми местах поминанья записал, извел все деньги, только бы домой дойти. И пошел Ефим назад к дому. Дошел до Яфы, сел на корабль, приплыл в Одессу и пошел пешеходом домой.

Едет Ефим один тем же путем. Дошел до того места, где он прошлый год расстался с Елисеем. Народу и узнать нельзя. Где прошлый год бедствовал народ, нынче все достаточно живут. Родилось хорошо в поле. Поправился народ, и прежнее горе забыли. Только вошел в село, выскочила из-за хатки девочка в белой рубахе.

– Дид! дидко! до нас заходи.

Хотел Ефим пройти, да не пускает девочка, ухватила за полу, тащит к хате, а сама смеется.

Вышла на крыльцо и женщина с мальчиком, тоже манит:



– Заходи, мол, дедушка, поужинать – переночуешь.

Зашел Ефим. «Кстати, – думает, – про Елисея спрошу: никак, в эту самую хатку он тогда и напиться заходил».

Вошел Ефим, сняла с него женщина сумку, умыться подала, посадила за стол. Молока достала, вареников, каши – поставила на стол. Поблагодарил Тарасыч, похвалил людей за то, что они странников привечают. Покачала головой женщина.

– Нам, – говорит, – нельзя странников не привечать. Мы от странника жизнь узнали. Жили мы, Бога забыли, и наказал нас Бог так, что все только смерти ждали. Дошли летось до того, что все лежали – и есть нечего и больны. И помереть бы нам, да наслал нам Бог такого же, вот как ты, старичка. Зашел он среди дня напиться, да увидал нас, пожалел, да и остался с нами. И поил, и кормил, и на ноги поставил, и землю выкупил, и лошадь с телегой купил.

Вошла в хату старуха, перебила речь женщины.

– И сами мы не знаем, – говорит, – человек ли был, или Ангел Божий. Всех-то любил, всех-то жалел, и ушел – не сказался, и молить за кого Бога – не знаем.

Накормили, напоили люди Ефима, положили спать и сами легли.

Лежит Ефим и не спит, и не выходит у него из головы Елисей, как он видел его в Иерусалиме три раза в переднем месте.

«Так вот он где, – думает, – упредил меня! Мои труды приняты, нет ли, а его-то принял Господь».

Наутро распрощались люди с Ефимом, наклали ему пирожков на дорогу и пошли на работу, а Ефим – в путь-дорогу.

Ровно год проходил Ефим. На весну вернулся домой. Пришел он домой к вечеру. Сына дома не было: в кабаке был. Пришел сын выпивши, стал его Ефим расспрашивать. По всему увидал, что замотался без него малый. Деньги все провел дурно, дела упустил. Стал его отец ругать. Стал сын грубянить...

Наутро вышел Ефим Тарасыч к старосте о сыне поговорить, идет мимо Елисеева двора. Стоит старуха Елисеева на крылечке, здоровается.

– Что ж, дома, что ль, он теперь? – спрашивает у нее про мужа.

– Дома, родной, на пчельнике, рои огребает. Хороша, – говорит, – роевщина. Такую Бог дал силу пчеле, что старик и не запомнит. Не по грехам, – говорит, – Бог дает. Заходи, желанный, уж как рад-то будет.

Пошел Ефим через сени, через двор на пчельник к Елисею. Вошел на пчельник, смотрит – стоит Елисей без сетки, без рукавиц, в кафтане сером под березкой, руки развел и глядит кверху, и лысина блестит во всю голову, как он в Иерусалиме у Гроба Господня стоял, а над ним, как в Иерусалиме, сквозь березку, как жар горит, играет солнце, а вокруг головы золотые пчелки в венец свились, вьются, а не жалят его. Остановился Ефим.

Окликнула старуха Елисеева мужа.

– Кум, – говорит, – пришел!

Оглянулся Елисей, обрадовался, пошел куму навстречу, полегонечку пчел из бороды выбирает.

– Здорово, кум, здорово, милый человек... Хорошо сходил?

– Ноги сходили, и водицы тебе с Иордана-реки принес. Заходи, возьми, да принял ли Господь труды...

– Ну и слава Богу, спаси Христос. Помолчал Ефим.

– Ногами был, да душой-то был ли, али другой кто...

– Божие дело, кум, Божие дело.

– Заходил тоже я на обратном пути в хату, где ты отстал...

Испугался Елисей, заторопился:

– Божие дело, кум, Божие дело. Что ж, заходи, что ли, в избу – медку принесу.

И замял Елисей речь, заговорил про домашнее. Воздохнул Ефим и не стал поминать Елисею про людей в хате и про то, что он видел его в Иерусалиме. И понял он, что на миру по смерть велел Бог отбывать каждому свой оброк – любовью и добрыми делами.

Духовный сад.
с. Николо-Погост 2003 г.

Христианская поэзия

Стихи протоиерея Владимира Кондратюка, г. Задонск

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Сияет храм, блистая весь огнями,
Сердца людей любовию горят:
Христос воскрес! Невидимо Он с нами,
То лица всех невольно говорят.

Христос воскрес! То сердцем все мы чуем.
Воскрес он в сердце каждого из нас,
И посему торжественно ликуем
Мы в этот светлый благодатный час.

Христос воскрес! Возлюбленные братья,
Прославим Бога, сшедшего с Небес.
Раскрыв друг другу искрение объятья –
Христос воскрес! Воистину воскрес!

* * *

Обвитый чистой Плащаницей,
Сын Божий, снятый со креста,
Был погребен. Перед гробницей
Была поставлена плита.
Но не утихли гнев и злоба
Его врагов – Он может встать,
Из страха их на двери гроба
Была наложена печать.
Настала ночь... Поутру рано
К пещере женщины спешат,
А там в одежде белой
Два светлых Ангела сидят.
Печать отпала от гробницы,
Повергласъ на землю плита,
Осталась только Плащаница,
Там нет лежащего Христа.
Они глядят в недоуменье:
Куда Учитель их исчез,
И слышат слово утешенья:
– Кого вы ищете – ВОСКРЕС!
И жены радостью объяты
Спешат к апостолам Его
Благовестить, что Бог распятый
Восстал из гроба Своего.

ЯИЧКО

Дорого яичко ко Христову дню,
И не знал я долго – почему?
Только слава Богу – Он мне сие Сам открыл,
Чтобы я яичко красное ценил.
Взял я как-то в руки свежее яйцо,
И смотрел я долго с думой на него,
Ни костей не видел, ни пера, ни ног,
В том яйце я птицы увидать не смог.
Как же так бывает? Где найти ответ?
Птичка вдруг выходит из яйца на свет!
В этом вот и чудо – Бог так сотворил,
Что яйцо сырое в птицу обратил.
Тот пример я понял, сердцу дорогой,
Так Господь когда-то сотворил со мной.
Та же сила Божия прах мой соберет,
И из праха снова тело оживет.
В этом нам порукой чудо из чудес,
Первенец из мертвых днесь Христос воскрес!
На кресте Он умер, как Он нас любил,
Что за нас, за грешных, Кровь Свою пролил.
С тех пор яичко красное как кровь,
Мне напоминает про Бога и любовь.
И еще узнал я тайну от яйца,
Что и мы воскреснем к жизни без конца.
И теперь обычай добрый я храню,
Красное яичко в день Христов дарю.
Чтобы люди знали, что Христос восстал,
И во гробе сущим жизнь всем даровал!

ПЕРЕД ВЗОРОМ БОЖЕСТВЕННОГО СТРАДАЛЬЦА

Когда Иисус Христос ходил по земле Палестинской, проповедуя Евангелие Царствия Божия, в это время в иудейских горах свирепствовал жестокий разбойник. Своими страшными убийствами он наводил ужас на жителей Палестины. Люди боялись выйти из своих домов, чтобы не погибнуть от руки злого разбойника…

В один день по узким улицам Иерусалима двигалось странное шествие. Собралась огромная толпа людей, впереди которой шли вооруженные воины. Они вели Осужденного. Тяжелый крест лежал на Его плечах так, что Он низко пригибался, а иногда, изнемогая, падал. Тогда на Него обрушивались жестокие удары воинов. Били по голове, по плечам, по спине… Ни стона, ни крика не выходило из уст Его…

В это время у одного большого дома под навесом от солнца стоял человек и наблюдал за тем, что делается на улице. Никто его не знал. Но когда прохожие случайно встречались с ним взглядом, страх и ужас охватывал их душу, и они старались скорее отвести в сторону свои глаза…

Странное шествие поравнялось с ним. Он видит согбенного Человека, несущего на своих плечах тяжелый крест. Волосы спутаны и смочены кровью и пылью. И колючий сухой терн, свитый несколько раз, туго одет на главу, так что острые колючки впились в тело, и из ран струится кровь. Но особенно поразило лицо Страдальца. Оно было полно тихой кротости и безконечного незлобия… Вот Он снова остановился, чтобы перевести дух. На мгновение Его взор скользнул по большому дому… Казалось, что Он искал кого-то взором Своим… Искал… незнакомца, который до сих пор стоял у этого дома и наблюдал. Вдруг незнакомцу первый раз в жизни стало страшно. Страдальческий взор Спасителя упал на него, и глаза их встретились. Это было одно мгновение…

– О Боже, – прошептали смертельно бледные уста разбойника, – лучше мне никогда не встречать этих глаз…

Пряча свое лицо, он стремительно пошел, почти побежал, вон из города. Да, это был тот самый неуловимый злодей, которого не могли поймать никакой силой человеческой. Но вот его уловил Своим страдальческим взором Христос…

В его преступной душе творилось невероятное смятение. Взор Божественных очей, как пламень огня и в то же время как свет тихой ласковой любви, стоял в глазах преступника. Этот взор не угрожал, не судил, даже не укорял злодея, а отечески призывал, ласкал, тихо и кротко все прощал… О, этот глубокий, пронзающий душу взор!.. Неожиданно он услышал рядом с дорогой тихий стон. Злодей остановился. Он первый раз в жизни почувствовал сострадание. Сколько раз он без содрогания убивал. А вот теперь он остановился, услышав стон человека. Не раздумывая, он сделал два-три шага в сторону и увидел старика, который умирал от приступа восточной горячки. Достав свою флягу с вином, разбойник влил несколько капель в уста умирающего. Тот открыл глаза. Сделав первое доброе дело, оказав помощь несчастному, разбойник почувствовал в своей душе неизъяснимую тихую радость. Такой радости он никогда в жизни своей не испытывал. Растирая лицо и грудь несчастного вином, он опустился перед ним на колени…

Вдруг резкий крик:

– Разбойник Маторан, сдавайся, сопротивление немыслимо!..

Маторан поднял свою голову и встал на ноги. Кругом его в темноте стояли вооруженные всадники. Он снова опустился на колени и наклонился над стариком. В это мгновение удар страшной силы в голову повалил его на землю… Когда воины осветили факелом его лицо, то увидели, что оно было первый раз в жизни тихим и кротким, как лицо ангела, а уста его еле слышно произносили последние слова:

– Ты умираешь сейчас невинно, а я – за свои злые дела…

АРХИМАНДРИТ ТИХОН (АГРИКОВ)
«ПРОБУЖДЕНИЕ»

Просьба не использовать альманах в хозяйственных целях

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14, Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь,
тел. 2-49-55. *Выходит с 2000 г. Тираж 5000 экз.*
Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство ***ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.***